

Лавикандия: Небо и долг

Папка 148/21

*Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частью хуже отцов и немногие лучше.
Одиссея, II, 276-277*

Действующие и упоминаемые лица в порядке рангов

Императорский цензорат:

Тио-би-Кору, худд, заслуженный императорский цензор, начальник Венно-ли-Но
Венно-ли-Но, брэ, императорский цензор
Хэй-ди-Роше, худд, его первый помощник
Ван-ас-Гино, фели, его второй помощник

Столичная палата Ведомства охраны традиций:

Ниру-би-Хад, худд, глава столичной палаты ВОТ
Гин-гор-Шеу, худд, почтенный глава отдела расследований
Ано-мар-Баур, худд, почтенный полусотник, следователь, сын Ано-ба-Маарада
Ванса-рун-Кимо, худд, полусотник, напарник Ано-мар-Баура
Во, худд, секретарь господина Гина
Алья-ас-Сар, лее, судебный эксперт
Ли-ра-Чидда, худд, десятник
Младшие офицеры, эксперты и рядовые ВОТ

Прочие:

Дано-ра-Итари, брэ, генерал от инфантерии в отставке, друг семьи Ано и добрый знакомый
Венно-ли-Но
Ано-ба-Маарад, худд, полковник от кавалерии в отставке, отец Ано-мар-Баура
Ар-ти-Хитта, брэ, судья
Лин-го-Тее, худд, полусотник от кавалерии
Ар-на-Ми, брэ, офицер в отставке
Гэу-ли-Хань, худд, глава адвокатской конторы, поверенный семьи Ано
Маго-ти-Моро, худд, десятник Тайного управления
Отец Нидо, худд
Госпожа Лу, худд, родственница Ано-ба-Маарада
Ани Юнай, кафа, содержательница публичного дома
Прочие жители столицы

Вступление

Тайно

Только для чиновников Ведомства дворцов не младше V среднего ранга

Заслуженному императорскому цензору
Тио-би-Кору
младшего цензора
Венно-ли-Но

рапорт.

Этот младший цензор умоляет господина заслуженного императорского цензора о прощении за время, которое отнимает у него, и просит уделить толику своего нефритового внимания документам, приложенным к настоящему письму, и выводам, сделанным из них.

В последние три недели младшим цензором и его помощниками было проведено расследование. Результатом его стало большее, нежели раньше, понимание небезызвестного инцидента в «Убежище журавля» и пересмотр результатов дела отставного чиновника Аномар-Баура.

По рассмотрении нижеследующих документов и получении ими высокого одобрения заслуженного императорского цензора, этот слуга передаст их в ведение Ведомства права и судей для изменения судебного решения от 28 дня четвертого месяца зимы. Это изменение представляется младшему цензору обусловленным и требованиями справедливости, и интересами империи.

Так же, в связи с проявленной находчивостью и неоценимой пользой, принесенной помощником цензора Ван-ас-Гино, младший цензор просит позволения наградить помощника 1000 (одной тысячей) фанов золотом вместо положенных 500 (пятисот) фанов золотом и официальной благодарности. Так как помощник цензора Ван-ас-Гино - фели, официальная благодарность не будет иметь для него того значения, которое предполагается уставом.

Кос-тха-ни,
3 день первого месяца весны
452 года правления IV династии Худдов

Глава 1

Комментарий

Оглядывая проблемы с оперативной высоты пусть недалекого, но будущего, мы всегда замечаем, как слепы были. Бьем себя по лбу, лишаем помощников премий, горько напиваемся, публично каемся, кончаем с собой. Все эти жесты, по моему мнению, не лишены изящества, но лишены смысла. Если не для нас самих, то для тех, кто следует за нами. Им-то хочется прочитать не наши прошения об отставке, а анализ событий. Говоря проще, им не хочется делать нашу работу за нас. Можно понять.

Это вступление призвано не только объяснить всю дальнейшую работу (которая может показаться чересчур дотошной), но и обозначить мою позицию. Несмотря на все потраченное время, на все попытки понять мотивы полусотника Ано-мар-Баура, я все же не смог проникнуть в них до конца. Причина этого лежит, вероятно, в фундаментальной разнице между нашими домами. Выражаясь грубо, гусь свинье не товарищ.

Поступки полусотника обусловлены его воспитанием, работой, отношением к религии и традиции. Все эти черты — черты худда. Мой анализ построен на моем личном опыте. Это совершенно иной взгляд. Как бы я не пытался отстраниться, я все же смотрю на события глазами брэ.

В связи с этим я едва ли могу претендовать на истинное понимание души Ано-мар-Баура. Все нижеизложенное — лишь попытка реконструкции, подкрепленная документами.

Однако даже этот не слишком глубокий анализ привел меня к выводам, отличным от решений суда. Более того, пересмотр приговора представляется мне необходимым.

Сознавая, что моих слов может быть достаточно для господина Тио или даже для Тени императора, но не хватит для Ведомства права и судей, я снабжаю свой доклад рядом документов с подробными комментариями к ним. Для удобства чтения документы были пронумерованы в хронологическом порядке, но с сохранением ведомственных реквизитов.

Мой интерес к этому делу был вызван статьей в «Имперских ведомостях» от 10 дня четвертого месяца зимы (документ №3). Известно, что в расследованиях смертей своих коллег работники Ведомства охраны традиций часто переходят допущенные законом границы. Я решил взять их действия на контроль.

К сожалению, параллельно мной разрабатывалась тема злоупотреблений в Палате шахт (см. 148/20). Увлеченный ей, я не придавал должного значения новой проблеме.

Некоторым оправданием мне может служить то, что в первом приближении дело не казалось сложным. Расследование было доверено офицеру, числящемуся, в том числе и в Цензorate, на хорошем счету. Кроме того, комментарий полусотника Ано о роли синдикатов в убийстве вполне убедил меня. Я отложил личную встречу, ограничившись запросом досье.

Это мое решение в сущности не было неверным. Оно лишь не учитывало то, что в тот момент я знать не мог. Да и никто другой, исключая разве что лока.

Документ №1

ВОТ, Палата Кос-тха-ни
Отдел расследований
№452/1367

Протокол осмотра места преступления и тела покойного

Осмотр начат в 26 часов с четвертью, окончен в 28 часов ровно.

Производился уважаемым полусотником Ведомства охраны традиций, следователем Ано-мар-Бауром и полусотником Ведомства охраны традиций, следователем Ванса-рун-Кимо в присутствии подданных:

1. Лю Караи, кафа, 156 лет, плотник, Внешний город, Третья портовая улица, дом третий слева из центра,
2. Тарай Винуза, катарир, 162 года, моряк, Внешний город, возле храма на улице Трех оленей.

Так же участвовали сотрудники ВОТ: эксперт Вану-ри-Тин и рисовальщик Анру Биги.

Узнав от рядового ВОТ Рута об обнаружении тела на заднем дворе таверны «Щедрое солнце», мы немедленно отправились на место преступления. Так как таверна расположена в десяти минутах ходьбы от палаты, на улице Ветеранов Индурской битвы, мы пошли пешком и в 26 часов 7 минут (по часам на Институтской башне) были там. Выслушав рассказ дежурного рядового Ора и получив согласие свидетелей, мы приступили к осмотру.

С северной и восточной стороны двор ограничен зданием таверны высотой в два этажа. На втором этаже с северной стороны — четыре окна из комнат постояльцев. С западной стороны двор отделен от улицы глинобитным забором в три шага высотой. С южной стороны двор и забор примыкают к зданию водонапорной башни, зазор между которой и трактиром заполнен мусором.

Следователем Ванса были выполнены измерения, показавшие, что длина двора составляет 17 шагов, а ширина — 9 с половиной.

Ровно посередине северной стены располагается дверь, ведущая в зал таверны.

В северо-восточном углу стоят бочонок и два ящика. Согласно объяснению трактирщика, ранее в них хранились съестные припасы. В настоящий момент они пусты.

В трех шагах от северной и двух от западной стены обнаружено тело мужчины-худда, предположительно около 170 лет, шерсть темно-коричневая с рыжими подпалинами, нос длинный, уши вислые. Тело разделено надвое от левой ключицы до правого бедра. Согласно мнению эксперта Вану, покойный был убит острым режущем-рубящим предметом. Рядом с правой рукой покойного лежал меч обычного офицерского типа с гравировкой «следователю Тэю от товарищей на столетие». Помимо этого у него при осмотре были обнаружены:

1. Пайцза следователя Ведомства охраны традиций, отдел по борьбе с нарушениями императорских монополий,
2. лаврикианские четки из девяти камней белого цвета,
3. переносная тушница и три кисти,
4. тубус для бумаг, в нем — документы,
5. медальон с неизвестным узором,
6. одежда: три халата, нижние штаны, пояс,
7. 5 фанов 3 фуна серебром и медью.

Все обнаруженное, за исключением одежды, документов и медальона, было передано в Зал вещественных доказательств. Для медальона назначена магическая экспертиза. Документы копируются. Предлагается передать копии отделу по борьбе с нарушениями императорских монополий, так как информация в них может представлять оперативную ценность.

Тело покойного отправлено для проведения вскрытия в 4-ю городскую мертвецкую, туда так же приглашен отец Лай из ближайшей церкви для начала погребальных церемоний.

Положение тела и двор были зафиксированы рисовальщиком Биги.

Так же по моей просьбе рисовальщик предпринял попытку с разбега запрыгнуть в окна таверны и на забор. Обе попытки с первого раза увенчались успехом, из чего я делаю вывод, что для кафа или катарир эти преграды не могут считаться непреодолимыми. Однако забраться на стену башни, по-видимому, невозможно без специальной подготовки, а мусорная куча была явно нетронута (что подтверждается и мнением эксперта).

Осмотр проводился в ясную солнечную погоду, ветер северо-восточный, слабый. На месте осмотра силен запах мусорной свалки, вызов нюхача не рекомендован.

Протокол осмотра был зачитан вслух свидетелям, возражений не поступило.

Лю Караи (подпись)

Тарай Винуза (оттиск пальца)

Претензий к проведению осмотра и протоколу не имею.
Эксперт Вану-ри-Тин

10 день четвертого месяца зимы
452 IV Худдов

Ув. полусотник Ано (личная печать)
Полусотник Ванса (личная печать)

Документ №2

ВОТ, Палата Кос-тха-ни
Отдел расследований
№452/1368

Докладная

Главе отдела расследований
Палаты ВОТ в Кос-тха-ни
почтенному Гин-тор-Шеу
следователя Ано-мар-Баура

Шеф!

Вызов, на который мы с Кимо бежали столь поспешно, что вынуждены были пренебречь Вашим приглашением на чай, оказался неприятней, чем мы думали. Покойник — офицер нашего ведомства. Официальный запрос пока остался без ответа, однако неофициально мне дали понять, что в последнее время он разрабатывал контрабанду опиума.

Осмотр тела показал, что убийство совершено быстро, вступить в серьезную борьбу противники не успели. Смерть наступила, по-видимому, в результате одного удара большой силы и точности. Между тем покойный тоже умел фехтовать. Не удивлюсь, если с его занятиями делал он это хорошо.

Не хочется делать скоропалительных выводов, тем более что результатов вскрытия еще нет. Однако, судя по всему, убийство совершено профессионалом. Первые в списке — боевики из синдикатов (скажем — Третьего или Синего?). В то же время сложно поверить, что они пошли на такое. Убийство офицера — не шутка, и они не могут не понимать, какова будет наша реакция.

Дело, таким образом, не столь очевидно, как я понял со слов Рута: «Мертвец в таверне».

В любом случае мне понадобятся ордера на обыск его квартиры или дома. Возможно, и разрешение на применение пыток (думаю, хватит второй степени) к содержателю таверны: что-то он недоговаривает. Надеюсь, впрочем, обойтись без этого.

Тут крутятся газетчики. Если Вы не возражаете, я выдам информацию «Имперским ведомостям», а остальные обойдутся.

Жду Ваших указаний в таверне, пока займусь опросом свидетелей.

Полусотник Ано-мар-Баур,
таверна «Щедрое солнце»

Комментарий

Рапорт эксперта Вану и рисунки могут дополнить предшествующие документы, но не добавляют никакой существенно новой информации. Подробное их рассмотрение сейчас уже не имеет особого смысла.

По тем же причинам я не включаю сюда протоколы опросов, упомянутых в докладной. Это восемь документов, достаточно точно передающих беседы полусотника Ано и свидетелей — тавернщика, двух половых, стряпухи и четырех посетителей. Все они

записаны полусотником Ванса-рун-Кимо.

О нем стоит рассказать подробнее: в дальнейших событиях он сыграет важную роль.

Ванса начал службу полугодом раньше Ано-мар-Баура и так же — в чине рядового. Все их дальнейшие карьерные перемещения совпадают по времени. Безусловно, это не случайность.

При этом если говорить о присвоении сержантских званий, то в этом, очевидно, больше была заслуга Ванса-рун-Кимо. Сын и внук сотрудников ВОТ, он лучше напарника представлял себе подводные течения подобной работы. И охотно делился ими с товарищем.

Служивцы вспоминают то несомненное влияние, которое Ванса имел на новичка. Тот не только повторял многие его суждения, но даже вслед за ним пристрастился к кафской кухне и игре в быстрый ма-джонг.

Такая ситуация сохраняется и в дальнейшем. С одним немаловажным дополнением.

Несмотря на общее хорошее отношение к полусотнику Ванса, мало кто сомневается: сам сдать экзамены он бы не смог. Это стало возможным только благодаря активной помощи Ано-мар-Баура как в процессе подготовки, так и в процессе написания сочинений.

(Последний факт, разумеется, не афишировался работниками ВОТ в разговорах с помощниками цензора. Такие предположения можно сделать по некоторым оговоркам и намекам).

У большинства их коллег создалось впечатление, что следователи были близкими друзьями. Они не только работали в паре. Они посещали одни и те же кабаки и публичные дома, болели за одну команду, шились у одних портных.

То же приходит в голову и стороннему наблюдателю при изучении их досье. В течении без малого 40 лет они почти постоянно работали в одном и том же отделе и проделали в нем совершенно одинаковые пути. При этом в архивах нет ни одной их жалобы друг на друг, не зафиксирован ни один конфликт. Известно, что Ано-мар-Баур около двух месяцев назад предметно раздумывал над подачей документов на соискание следующего ранга. По общему мнению, он отложил экзамены до следующего года, чтоб не расставаться с другом.

Сходные выводы были сделаны и судом.

Мне и моим помощникам они представляются сомнительными. Об этом — ниже.

Разговоры со свидетелями оказались однообразны и малоинформативны. Можно отметить, что полусотник Ано ведет себя с разными собеседниками по-разному. На тавернщика и обслугу он едва ли не кричит, страдая их поркой и закрытием заведения. Со свидетелем-худдом — простовато-вежлив, с брэ — короток и сух. Интересно, что в последнем случае опрос напомнил мне стандартную форму армейских отчетов. По-видимому, не только мне. Свидетель быстро понимает, что от него хотят и к концу разговора излагает необходимые подробности, не дожидаясь вопросов следователя.

Этот момент привлек мое внимание. Я показал ту же запись своим помощникам, но у них она не вызвала никаких ассоциаций. В связи с этим я склонен предположить, что не поняли этого и присутствующие — полусотник Ванса и эксперт. Вопрос, откуда соответствующие формы известны Ано остается открытым, так как он никогда не служил в армии. Возможно, они встречались ему в бумагах отца.

Отчет о показаниях ясно свидетельствует о принятии следователями конкретной версии. В качестве подозреваемых они выделают трех человек. Первый — некий катарир, бывший в таверне, покинувший ее незаметно для свидетелей и, возможно, принадлежавший к синдикату. Второй — знатный худд, вооруженный катаной, покинувший таверну вскоре после убийства, до прибытия стражи. Оба они сидели в отдельных кабинетах и могли беседовать с покойным. Третий — гипотетический неизвестный, с которым тот мог встречаться во дворе, перелезший через забор и так же ушедший.

Ано-мар-Баур и Ванса-рун-Кимо рассматривают в качестве наиболее продуктивной первую версию. Это их заблуждение стало фундаментом всех дальнейших событий.

Документ №3

«Имперские ведомости»

№122 за 452 IV Худдов

Срочно в номер: убийство офицера ВОТ

Сегодня, около 25 часов, на улице Ветеранов Индурской битвы произошло убийство офицера ВОТ Тэй-ор-Лина. На момент подписи номера в цензуре, убийца не обнаружен.

Причиной смерти послужила тяжелая рана. Подробности дела в настоящий момент не разглашаются, однако расследующий дело полусотник Ано-мар-Баур согласился поделиться с нашими читателями некоторыми известиями.

«Пока еще сложно судить, кто именно был убийцей. У нас есть несколько версий. Самая достоверная из них сейчас — месть крупных преступных сообществ, расследованием деятельности которых в последнее время занимался покойный. В таком случае в центре наших розысков может оказаться не столько исполнитель, сколько заказчик преступления.

Разумеется, существуют и другие версии. Все они будут тщательно рассмотрены. Я хотел бы от имени нашей палаты подчеркнуть, какой значительной потерей для всех нас является смерть следователя Тея. Пророк сказал, что за добро надо платить добром, за зло — справедливостью. Кем бы ни был убийца нашего товарища, кто бы ни стоял за спиной исполнителя, они будут наказаны по всей справедливости закона».

О месте и времени похорон будет извещено дополнительно.

Наша редакция следит за ходом расследования.

Документ №4

10 день 4 месяца зимы
452 года IV династии Худдов

Дорогой Баур!

С глубочайшим прискорбием должен сообщить Вам горестную новость. Сегодня, около 27 часов, скончался от старой болезни сердца Ваш батюшка и мой добрый друг, полковник Ано-ба-Маарад.

Слова не могут выразить всей скорби, которую я испытал, написав эти строки. В эту тяжелую минуту все молитвы нашей семьи с Вами.

Величие Вашего отца, его глубокий ум, непреклонная честность, верность друзьям и традициям — все это делало его в глазах многих людей истинным образцом Благородного мужа. Близость смерти полковник встретил с присущим ему спокойным мужеством и оставил мне самые подробные инструкции на этот случай. Исполнение их — моя прямая обязанность и просто малая толика уважения, которую я могу выказать своему старейшему клиенту. Сразу по написании этого письма я приступлю к подготовке всего необходимого для погребальных обрядов.

Однако для ряда вопросов юридического толка требуется Ваше присутствие. Ожидаю Вас завтра, в любое время, в своей конторе, располагающейся в третьем доме на улице Капитанов.

Позвольте еще раз выразить Вам мои искренние соболезнования,

Гэу-ли-Хань,
адвокат

Комментарий

Два этих документа приведены тут в том порядке, в каком их, скорее всего, прочитал тем вечером Ано-мар-Баур. Мне сложно до конца представить, какое впечатление последний из них должен был оказать за него.

Помощник цензора Хэй-ди-Роше в ответ на мою неделикатную просьбу попытался описать свои чувства и мысли в день смерти отца. Общую суть его слов можно выразить так: для худда вообще, а тем более худда из старого рода, смерть отца становится ни с чем не сопоставимым ударом. Фактически — крушением всей прежней жизни. Отец в такой семье не только формальный глава, но и носитель традиции, воплощение истории рода. Никто не

имеет большего влияние на детей, чем он.

Вне зависимости от собственного возраста, сын ощущает волю отца и, по крайней мере с точки зрения традиции, не может противиться ей. День, когда он сам становится главой рода, теряя всякую опору и принимая на себя огромную практическую и духовную ответственность, не может не стать для него большим потрясением.

Мы не знаем, что думал в тот вечер Ано-младший, ставший вдруг просто Ано. Возможно, он не принял страшное известие, не поверил в него. Возможно, напротив, воспринял его спокойно, с осознанием неизбежности такого исхода.

Так или иначе, смерть отца стала для него полной неожиданностью. В течении почти сорока лет Ано-мар-Баур не видел его, не общался с ним и даже не писал ему писем, несмотря на то, что жил с Ано-ба-Маарадом в одном городе.

Этот факт упоминает в своей заключительной речи и судья. Действительно, нельзя не признать, что такое поведение для хурда необычно. Однако, в отличие от судьи, я не склонен приписывать его одной лишь душевной черствости подсудимого и не считаю, что приговор оправдывает «пустота сердца, какую мы обнаружили у этого человека».

Судья настаивает на том, что поступки отставного полусотника — поступки умалишенного, хотя само это слово в приговоре отсутствует. Я, напротив, считаю, что они стали единственно возможным следствием мыслей Ано-мар-Баура в эти дни. В дальнейшем я постараюсь доказать это, хотя для этого мне придется прибегнуть иногда к весьма непростым конструкциям.

Интермедия

Из «Записок о веерах» Ано-ба-Маарада

III

Радостно смотреть на девушку, когда она закончила танцевать. На лице еще не исчезло вдохновение, как появляется любопытство: «Как им понравился мой танец?» Ее молодость и радость греет сердце.

Рассказывают, что император Варсо говорил так: «Говори, что знаешь, делай, что умеешь. Тогда современники восхитятся, а потомки вспомнят». Как это верно! Нет зрелища печальней, чем неумеха, читающий свои скверные стихи на публике. Он декламирует, делает жесты, как в театре, тяжело дышит, даже шерсть у него поднимается. А слушатели не знают, как скрыть раздражение, и надеются только, что ода скоро окончится.

Шут в известной пьесе говорит: «Ни в ком не нуждайся, не общайся с глупцами, будь умерен в вине и празднествах, живи отшельником!» Верный рецепт счастья — общаться лишь с теми, кого близко знаешь.

VII Как узнать дом, который стоит посещать

Слуги вышколены и не заговорят без разрешения.

Богатство не бросается в глаза. Дороги не обстановка и не одежды хозяев, а книги, гравюры, музыкальные инструменты. Мудрый человек ценит вечное, а не быстротечное.

Чай гостю подает хозяин или хозяйка, кем бы гость ни был. Так же и места за столом распределяются по возрасту, а не по рангу или положению.

Благородный человек не разделяет других людей на благородных или низких помыслами. В каждом он видит высокое, и оттого оно появляется даже у тех, кто раньше его не знал.

Ребенка в хорошей семье не видно, пока его не позовут. В дурной же он у всех на виду. Отец хвастает его успехами, мать умиляется. Не так было в древности.

Книги и инструменты стоят в таком доме у всех на виду. Когда гость берет их в руки, хозяин не подходит, будто бы рассказать о вещи, а на самом деле следить, как бы ее не испортили.

Мужчины, удалившись в комнаты хозяина, не обсуждают там коней и оружие с видом знатоков. Если есть среди них тот, кто действительно сведущ в некоем вопросе, хозяин первый попросит его порадовать собравшихся рассказом. Все же прочие не добавляют своих слов, а почтительно слушают.

Быть в этом доме приятно, покидать его грустно.

IX

Во время Южной компании я был последовательно десятником, полусотником, сотником и полковником. Легкость этого движения необъяснима и проистекала, по-видимому, из расположения ко мне начальства.

В бытность сотником мне случилось ночью проехать мимо одной усадьбы. Жители ее уже покинули из-за опасности нападения мятежников. Дом был очень красив, и я, по некотором колебании, решил зайти в него.

Он был совершенно пуст. Больше никогда не доводилось мне видеть пустую комнату для табличек предков или библиотеку, в которой не было ни одной книги. Полный дурных предчувствий, я собирался уже покинуть усадьбу, как вдруг в одной из комнат на столе увидел забытый хозяевами веер изумительной красоты. На него из окна падал лунный луч. Все это выглядело столь изящно, что я долго не решался взять веер в руки.

После окончания войны я долго искал обитателей той усадьбы, чтоб вернуть им утерянное. Выяснилось, однако, что хозяина казнили в последние месяцы правления императора, а наследников у него не осталось. Веер остался со мной и стал первым в моем собрании.

XIII

Когда я был мал, брат читал со мной одну книгу. Когда мы добрались до конца, он свернул свиток и стал убирать его в короб, а я горько заплакал.

Сколько брат не спрашивал меня, я не мог объяснить от чего плачу: ведь книга закончилась благополучно, герои ее были счастливы, а несправедливость наказана.

Сейчас же я понимаю, что плакал от того, что история была окончена. Плох тот, у кого не прольется ни слезинки в миг прощения со старым другом!

Незадолго до смерти брата я спрашивал у него, помнит ли он ту историю и что за книга это была. К сожалению, он ничего не смог мне сказать.

Глава 2

Комментарий к досье

Следующее утро для меня началось с чтения нескольких досье на Ано-мар-Баура.

О смерти его отца в газетах я прочитал позже, но все же я быстро сообразил, что видел этого юношу несколько десятков лет назад.

По некоторым делам, связанным с политикой военной администрации в Восточном Мороре, мне пришлось посетить Ано-ба-Маарада. Мы беседовали с ними около полутора часов. В какой-то момент в комнату заглянул юноша, чрезвычайно похожий на моего собеседника. Увидев, что мы заняты, он немедленно вышел. А старик только коротко пояснил: «Мой сын», - и вернулся к делам.

Признаться, тогда меня несколько задело это нежелание представить нас.

Ано-мар-Бауру было в тот момент около 76 лет. Спустя пять лет он покинул отцовский дом.

Приводить здесь все имеющиеся в моем распоряжении досье (из Ведомства охраны традиций, Тайного управления, Ведомства дворцов, Ведомства права и судей, Ведомства торговли и Коллегии Большого моста) едва ли есть смысл. Позволю себе составить их краткую компиляцию.

Ано-мар-Баур был зачат в 24 день четвертого месяца зимы 333 года. На протяжении большинства описанных здесь событий ему было 118 лет, сейчас — 119.

Его отец, Ано-ба-Маарад, — отставной полковник кавалерии и заметная фигура в кругах хундской военной знати. Мать (умерла в 401 году) также происходила из семьи с богатой историей. Фактически, Ано-мар-Баур связан узами отдаленного родства с большинством хундов-аристократов империи, не исключая и императорскую семью.

О состоянии его отца мы еще скажем ниже. Во всяком случае его было вполне достаточно, чтоб Баур получил блестящее образование. К 80 годам он уже входил в число пятисот лучших фехтовальщиков столицы, а одна из его каллиграфических работ удостоилась похвалы принца Пала.

Согласно семейным традициям юношу ожидала служба в кавалерии. Однако в 81 год Ано-мар-баур неожиданно для всех идет против воли отца. Возможно, выбор пути религиозного деятеля нашел бы понимание. Однако он останавливается на том, что наиболее чуждо его кругу: месте рядового в городской страже.

Следом за этим происходит по-видимому неизбежный разрыв с отцом. Тот отказывается общаться с сыном и отказывает ему в денежном содержании.

Остановимся на этом моменте подробнее.

Жалование рядового Ведомства охраны традиций равно 250 фанам в год. По общему мнению прожить в Кос-тха-ни на эту сумму невозможно. Реальная сумма доходов со взятками составляет около 400 фанов. Примерно столько Ано-мар-Баур тратил в год на милостыню и чаевые.

Будучи уважаемым полусотником и следователем, он должен был получать 1520 фанов в год без учета взяток (впрочем, следователи получают их не столь часто). Сумма эта, конечно, куда более достойная. Однако и она как минимум в три раза меньше той, которую выдавал ему на расходы отец.

Существование рядового вотовца, разумеется, нельзя назвать нищенским. Но, как мне кажется, юноша из знатной семьи не мог воспринимать его иначе. Тем не менее он не только не идет на примирение с отцом, но даже отвергает предложения о помощи, исходящие от друзей семьи.

Для хундской чиновной среды характерно стремление к карьерному росту, как правило чуждое военной знати. Однако усилия, предпринимаемые для продвижения Ано-мар-Бауром можно считать исключительными и, в то же время, странными. Менее чем за пятнадцать лет он поднимается с I младшего ранга до III среднего. Подобная скорость характерна для детей крупных чиновников, которым в том или ином виде оказывается протекция. Однако из всех

досье явно следует, что у Ано-мар-Баура не было никаких покровителей. Скорость его роста — прямое следствие его прекрасного образования, большого таланта к следственной работе и почти невероятного прилежания. Спустия еще восемь лет он получает III страший ранг, однако до последнего времени не предпринимает никаких попыток подняться выше.

Позволю себе выдвинуть предположение. Это могло быть связано с нежеланием много работать с бумагами, что неизбежно на IV ранге. Предпринятые же им в последнее время шаги, вероятно, объяснялись скорым достижением столетия и открывающейся вследствие этого возможностью подать документы на работу в Тайное управление. Разговоры на эту тему он даже вел с одним из знакомых офицеров ТУ, чем и был инспирирован сбор на Ано-мар-Баура досье в этой организации.

На настоящий момент он холост и, если не считать предварительных договоренностей между родителями, не планировал жениться. Ни постоянных внебрачных связей, ни детей не имеет.

Баур регулярно посещает церковь, но все же едва ли религиозен. С детства сохранил две привычки: занятия в фехтовальной школе три раза в неделю и ежедневные упражнения в каллиграфии. Его блестящие успехи во втором вы уже могли оценить из документов 1 и 2. В фехтовании он также был достаточно хорош. Примечательно, что его учитель — единственный человек, общение с которым он продолжил, прервав все контакты с домом. По настоянию учителя, с тех пор и до описываемых событий он обучался бесплатно.

Это все, что можно извлечь из досье даже при самом пристальном рассмотрении. Все остальное — списки раскрытых им дел, выговоры и благодарности по службе, любимые заведения — не дают никакой личной информации. Это описание обычного следователя ВОТ. И лишнее доказательство бедности всех имеющихся архивов.

В то же время - это блестящий послужной список. Не приходится удивляться тому, что глава отдела расследований доверяет свое ответственное задание именно Ано-мар-Бауру.

Документ №5

11 день 4 месяца зимы
452 года IV Худдов

Баур!

Дело, которые ты сейчас расследуешь, представляется важным не только мне, но и главе нашей Палаты. Вопрос поставлен ребром. Мы должны показать всем, что не прощаем убийств своих — а то это, видимо, подзабылось.

Напоминаю тебе, что это первое убийство сотрудника ВОТ в столице за последние восемь лет, если не считать сопротивлений при задержаниях. И как я считаю, это стало результатом показательного процесса, который мы тогда устроили над группой мерзавцев из Третьего синдиката. Пробыть тогда этот открытый процесс было нелегко, но мы это сделали. Мера себя оправдала.

Нечто подобное нужно будет устроить и сейчас. В связи с этим я ставлю перед тобой следующие задачи:

1. Найти убийцу.
2. Найти заказчика, если он есть.
3. Любой ценой взять их живыми и непременно — с соблюдением всех процессуальных тонкостей.

Все перечисленное считай официальным приказом.

За ордерами дело не станет.

Для помощи тебе в любой момент могут быть приданы пять оперативников II младшего и II среднего ранга — используй их без сомнений.

Это особые права и особые полномочия, которые подтверждаются пайцзей, высланной тебе вместе с этим письмом. Отчитываться по завершении дела ты будешь не передо мной, а перед главой Палаты. И несешь личную ответственность за ход дела.

Слава императору!

Желаю тебе всяческих удач,
Твой Гин-тор-Шей

Документ №6

«Имперские ведомости»
№123 за 452 IV Худдов

Некролог

Вчера вечером я узнал о смерти Ано-бар-Маарада.

Написать на листе эти слова — легко. Принять их смысл — невозможно.

Я знал полковника Ано почти всю свою жизнь, со времени прошлой Южной кампании. Ему было 75, мне — 80 лет. Тогда мы были молоды и не загадывали вперед, а смерть казалась приключением. В последние годы она стала казаться неизбежностью, но я не грустил. Мне не приходило в голову, что я могу пережить своего друга. Не приходило в голову, что нам суждено расстаться так рано. Я верил в общую старость, в успехи внуков, которые мы успеем обсудить, в новые книги, которыми сможем насладиться вместе.

Всего этого не будет, потому что болезнь сердца отняла у меня друга — и мне даже некому отомстить за эту несправедливость.

Для всех, знавших Ано-ба-Маарада, он был светлой минутой жизни. Худды брали с него пример. Брэ считали за честь дружить с ним. Историки-фели прислушивались к его словам. Его служанка-гегра, сообщившая мне скорбную весть, пришла в слезах: такое горе испытывают в день смерти учителя, отца, старого друга. Оказывается — и честного, справедливого хозяина.

За что бы он ни брался, все получалось у него лучше, чем у других. В годы войны он проявлял чудеса храбрости, с полусотней ходил на втрое, вчетверо превосходящего врага и возвращался с победой. По воцарении нового императора уже отставной полковник стал советником в Генштабе и не мог покинуть этот пост почти сорок лет. Некем было его заменить, и раз за разом он соглашался на просьбы остаться. Однажды Ано взялся собирать старинные веера. Сегодня его коллекция одна из лучших в стране, а сам он входил в число лучших знатоков веерной живописи в империи.

Ано-ба-Маарад редко демонстрировал свои таланты. Но в тех редких случаях, когда в фехтовальном зале он доставал клинок из ножен, когда он соглашался написать иероглиф в альбом, когда на дружеской встрече за чашкой вина он декламировал сочиненное по случаю стихотворение, когда высказывал мнение о книге, событии, человеке — окружающим оставалось только восхищенно молчать.

Эта потеря — удар не только для меня. Это тяжелый час для империи. Она потеряла одного из самых великих своих сыновей.

Немногие сейчас вспомнят подвиги полковника Ано. Но не от того, что подвиги эти были незначительны. Отнюдь. Лишь от того, что мой друг не любил стоять в очередях за наградами и никогда не старался выделиться вперед, растолкав других. Сам он сказал бы, что не совершил ничего особенного, а лишь делал то, что должен был делать, тогда, когда это было необходимо. Это действительно так. Добавлю от себя: тогда, когда больше никто не осмеливался это сделать, и там, куда другие боялись идти.

В годы войны полусотник, а потом сотник Ано-ба-Маарад часто вызывался в разведку боем. Чтобы найти дороги, стоянки и источники для основных частей, он не раз переходил линию фронта, забираясь в глубокие тылы противника.

Вчера он — одним из первых моих друзей — перешел ту линию, из-за которой уже не вернется. Но когда настанет мой час умирать, я спокойно последую за Ано-ба-Маарадом. Сто двадцать лет назад я без колебаний доверял ему мою жизнь. Доверю и мою смерть. Я знаю, что он будет ждать меня там. Что придержит коня, чтоб сказать то, что я столько раз слышал от него на войне: «Путь проверен».

Комментарий

Этот некролог, написанный близким другом покойного, генералом Итари, один из многих, появившихся в газетах в те дни. Не знаю, читал ли его Ано-мар-Баур. Здесь я привожу его потому, что сам именно из него узнал о смерти полковника Ано. Странное совпадение — в одно утро я прочитал досье сына и некролог отца. Нельзя сказать, что оно напрягло меня, но привлекло внимание.

Беспокоить следователя в эту непростую минуту я не стал. Но решил для себя проследить за дальнейшим развитием событий. Если Ано-мар-Баур окажется верным сыном, думал я, он передаст дела другому, а значит другим мне и надо будет заниматься. Если и после смерти отца не захочет примириться с ним, то продолжит расследование как ни в чем не бывало. В таком случае я навещу его через пару дней. Смерть послужит мне отличным поводом для визита.

(Неприятно описывать подобные мысли. Но объективность требует объяснений моих действий, а они были именно таковы).

Задним числом я считаю, что это мое решение было ошибочным. Верным было бы, вероятно, отправиться к нему в тот же день. Но в этом случае мне пришлось бы делать вид, что о смерти полковника Ано мне еще неизвестно.

Поступить так мог бы на моем месте сотрудник Тайного управления, проверяющий из ВОТ или еще кто-то вроде них. Они проверяли бы законность поступков следователя. Но я, как и все в Цензorate, занимаюсь не законом, а этикой. Судить же о этичности других, совершая столь вопиюще неэтичный поступок было бы бесчестно.

Ситуация эта видится мне неразрешимой.

Я решил ждать.

Между тем 11 день 4 месяца зимы был праздничным, и вскрытие тела оказалось отложенным на следующий день. Ано-мар-Баур, по-видимому, много времени провел у адвоката Гэу-ли-Ханя. Несмотря на все усилия моих помощников, ни сам адвокат, ни его работники не согласились рассказать об обстоятельствах этой встрече и обсуждавшихся вопросах.

Напарник Ано, Ванса-рун-Кимо в тот же день проводит допрос тавернщика. Тот ловко лжет и вводит следствие в заблуждение.

12 числа на закате проходят похороны. Предположительно, еще до них Ано-мар-Баур получает заключение патологоанатома. Во всяком случае его напарник в тот вечер обсуждал этот документ с коллегами. Прочитал ли его Ано, и понял ли, если прочитал, — мы не знаем. Какие-либо действия в любом случае были им начаты только на следующее утро.

Документ №7

ВОТ, Палата Кос-тха-ни
Отдел расследований
№452/1368

Заключение о вскрытии тела подданного Тэй-ор-Лина

Вскрытие было проведено в 12 день 4 месяца зимы 452 года IV Худдов, в лабораторных условиях.

Эксперт — Алья-ас-Ар, лее, 80 лет, магистр медицины (Священный институт), соискатель степени цзюйчжэня судебной медицины (Императорское училище права), чиновник II младшего ранга.

Писец — Тин-ри-Бао, худд, 102 года, чиновник I среднего ранга.

Согласно решению отдела расследования Палаты ВОТ в Кос-тха-ни, было проведено полное вскрытие подданного Тэй-ор-Лина. Также были взяты на экспертизу пробы крови и шерсти.

Вскрытие показало, что причиной смерти послужил сильный удар режущим предметом с длиной лезвия не менее шага, предположительно — мечом «худдского типа», тем или иным

типом катаны. Выдвинутая следователем Ано-мар-Бауром версия тяжелой сабли как орудия убийства представляется несостоятельной.

Экспертиза крови и шерсти показала их чистоту от ядовитых или наркотических веществ. Подробный протокол вскрытия прилагается.

Эксперт Алья-ас-Ар (личная печать)
12.4 зимы 452 IV Худд

Документ №8

Адвокатское бюро
«Гэу и сын»

Общий счет за услуги, оказанные во время погребальных ритуалов Ано-ба-Маарада

Дорогой господин Ано!

По нашей с Вами договоренности, наше бюро взяло на себя все расходы по заключению договоров с указанными ниже лицами и организациями. Однако Вам надлежало до 20 числа сего месяца оплатить следующие расходы:

1. Ритуал отпевания, проведенный священником из церкви при Старом кладбище и шестью его служками — 12 фанов
2. Ритуал похорон, произведенный им же — 2 фана
3. Труд бальзамировщика и использованные им составы — 10 фанов
4. Работу гробовщика — 6 фанов
5. Усердие могильщиков — 5 фунов
6. Два обряда, совершенных геомантом (распечатывание и запечатывание родового склепа), общей суммой 40 фанов
7. Услуги мастера церемоний, организовавшего поминальный вечер, — 10 фанов
8. Съём помещения в таверне «Корабельный дельфин» - 15 фанов
9. Поминальный ужин на 40 персон — 30 фанов
10. Сверх того — траты на незапланированных гостей в 7 фанов 4 фуна
11. Услуги конторы по аренде паланкинов — 9 фанов 3 фуна.

Итого: 142 фана 2 фуна.

Не имея сомнений в Вашей кредитоспособности, я распорядился выплатить эти деньги из наших расходных средств и таким образом избавить Вас от излишних хлопот. Копии соответствующих бумаг прилагаются.

Напоминаю Вам, что оглашение завещания Вашего отца состоится завтра, ровно в полдень, в здании нашего бюро.

Искренне Ваш,
Гэу-ли-Хань

Документ №9

Запись беседы Дано-ра-Итари (брэ, 234 года) и помощника цензора Хэй-ди-Роше

Беседа состоялась вечером 25 дня 4 месяца зимы 452 года правления IV династии худдов. Записана спустя полчаса после встречи по памяти и заметкам, сделанным во время разговора.

Мы с Дано-ра-Итари встретились по моей просьбе в Императорском парке, разговор вели прогуливаясь по аллее. Собеседник был настроен лояльно, добродушно, готов был помочь расследованию.

Первую часть разговора, посвященную общим знакомым, погоде и свежим новостям из Восточного Морора, я опускаю.

Хэй-ли-Роше: Ну что же, перейдем к тому неприятному поводу, из-за которого встретились.

Дано-ра-Итари: Да, приступим.

Хэй-ли-Роше: Как давно вы знакомы с Ано-мар-Бауром?

Дано-ра-Итари: Впервые услышал о нем вскоре после рождения от его отца. Впервые увидел, мне кажется, после окончания Междуцарствия, около 119 лет назад.

Хэй-ли-Роше: То есть вы знаете его всю жизнь?

Дано-ра-Итари: Можно сказать и так. Но все же я не могу сказать, что знаю его слишком хорошо. Мы были дружны с его отцом. Естественно, я симпатизировал и сыну. Но в последние годы мы совсем не общались.

Хэй-ли-Роше: Почему?

Дано-ра-Итари: Ну вы, наверное, знаете, что около 40 лет назад, у них вышла ссора из-за ухода Баура из дома. Я тогда пытался поддерживать с ним связь, потому что надеялся, что ссора — эпизодическая. Что они скоро помирятся.

Хэй-ли-Роше: Вы сказали «пытался»?

Дано-ра-Итари: Да, потому что мне это не удалось. Баур не хотел со мной встречаться и вернул мне деньги, которые я ему послал.

Хэй-ли-Роше: Крупная сумма?

Дано-ра-Итари: Около тысячи фанов.

Хэй-ли-Роше: Изрядная.

Дано-ра-Итари: Я мог себе это позволить.

Хэй-ли-Роше: И что, на протяжении этих 40 лет...

Дано-ра-Итари: Да, мы совсем не общались. Время от времени я узнавал о нем. Все, вроде, все довольно успешно. В отличие от Маарада, я не осуждал Баура за эту авантюру. Почему бы не послужить и в ВОТ, если ему так хочется.

Хэй-ли-Роше: Хорошо. Перейдем к последним событиям, ладно?

Дано-ра-Итари: Конечно, давайте.

Хэй-ли-Роше: Расскажите о Вашей первой встрече.

Дано-ра-Итари: Это было на похоронах Маарада. Как только я узнал о смерти, тут же написал письмо Бауру. Но, видимо, он уже знал. Тогда не ответил, а на похоронах подошел ко мне и поблагодарил. Очень вежливо, я бы даже сказал чересчур.

Хэй-ли-Роше: Каким он вам показался, господин генерал?

Дано-ра-Итари: Не знаю. Растерянным? Да, наверное, растерянным. Не в том смысле, что он не знал, как себя вести. Он знал. И делал все правильно. Но это не было естественным поведением. Ему приходилось подбирать слова. Раньше он был не таким. Я помню, в юности он всегда говорил очень ровно, даже очень сложные церемониальные фразы всегда у него выходили без труда. Ясно, что он их заучивал, но это выглядело естественно. А тут ему как будто приходилось напрягаться.

Хэй-ли-Роше: Как вы считаете, с чем это связано?

Дано-ра-Итари: Ну отвычка, конечно. Сколько времени он не общался в таком обществе? И волнение, конечно, переживания. Отца ведь хоронил.

Хэй-ли-Роше: Он вам показался расстроенным?

Дано-ра-Итари: Шутите? Разве может быть сын не расстроен на отцовских похоронах? На нем лица не было. Весь был как истукан.

Хэй-ли-Роше: Как вы считаете, он любил своего отца?

Дано-ра-Итари: Ну меня теперь часто об этом спрашивают, из суда тоже приходил человек, задавал тот же вопрос. Отвечу вам так же, как ему. Конечно, любил. Что они поссорились, жили отдельно — это ни о чем не говорит. Я, помню, вообще из дома на войну сбежал. Может, они поссорились, это бывает. Жаль, не успели помириться. Баур на похоронах так на склеп смотрел, что любому было ясно: корит себя, что не успел, что не был с отцом в день смерти.

Хэй-ли-Роше: Он что-то говорил?

Дано-ра-Итари: Очень мало. Поблагодарил собравшихся, прочитал молитву. В основном распорядитель все устраивал. Хороший мастер церемоний был, действительно — мастер. А то обычно слушать их невозможно, особенно на свадьбах.

Хэй-ли-Роше: После этого вечера Вы с Ано-мар-Бауром еще встречались?

Дано-ра-Итари: Да, один раз, на оглашении завещания. Там он уже не такой был.

Хэй-ли-Роше: А какой?

Дано-ра-Итари: Нормальный. Видимо, отошел немного, все-таки два дня прошло с похорон. Держался уверенно, церемонно, вежливо. Очень спокойно. Ну он и одет был уже иначе.

Хэй-ли-Роше: Расскажите подробней?

Дано-ра-Итари: Про одежду? На похоронах он был в парадной форме ВОТ с траурными нашивками, с мечем каким-то кургузым. Даже немного неудобно было. Я потом даже подошел к адвокату узнать, не нужно ли одолжить Бауру денег.

Хэй-ли-Роше: Несмотря на то, что в прошлый раз он не взял?

Дано-ра-Итари: Ну при личном разговоре он бы не выкрутился, взял бы как миленький. Но адвокат сказал — не надо, мол он теперь в деньгах не нуждается. Понятно, завещания тогда никто не знал, кроме него, но и так было все ясно.

Хэй-ли-Роше: Продолжайте, пожалуйста.

Дано-ра-Итари: Да. Так вот на похоронах он плохо был одет. А на оглашении завещания он уже переделся в нормальную одежду, из старых кладовых. Настоящие траурные одежды, один из родовых клинков, все такое. Я, знаете, по себе знаю, как действует на человека одежда. Когда ты в мешок одет, ты и ведешь себя, как в мешке. А когда надеваешь семь халатов, это как-то обязывает.

Хэй-ли-Роше: Ничего странного вы тогда не заметили?

Дано-ра-Итари: Мне он показался каким-то взвинченным. За всем этим внешним спокойствием. Но может, это сейчас так видится, когда уже знаешь последующие события. Сложно такие нюансы отделить.

Хэй-ли-Роше: Вы собираетесь еще с ним встречаться?

Дано-ра-Итари: Непременно, но не знаю, когда точно. Это все? Если надо еще что-то рассказать, вы спрашивайте.

Хэй-ли-Роше: Пока это все. Может быть, потом мы к вам еще обратимся, если вы не против.

Дано-ра-Итари: Я не против, потому что мне не нравится вся эта история, мне кажется, она несправедливая.

Хэй-ли-Роше: Ну нам тоже она не очень нравится, господин генерал. Спасибо за искренние ответы.

Дано-ра-Итари: Не о чем говорить.

Комментарий цензора Венно-ли-Но: Это один из тех случаев, когда мой личный разговор со свидетелем мог бы лучше прояснить ситуацию. Мы с генералом Итари давно знакомы, он друг нашей семьи и охотней отвечал бы на мои вопросы. Однако требования инкогнито не позволяли мне раскрыться. Я вынужден был послать своего помощника.

Я не спорю с тем, что инкогнито многое дает нашей работе. Однако мне кажется, что требования к выполнению секретности могут быть более гибкими.

Этот вопрос, впрочем, выходит за рамки настоящего доклада.

Документ №10

Запись беседы сотрудника Тайного управления Мато-ти-Моро (худд, 137 лет) и помощника цензора Ван-ас-Гино

Беседа была проведена 25 числа 4 месяца 452 IV Худд. Встреча происходила в кабинете десятника Мато и состоялась по моей просьбе.

Запись сделана в процессе разговора, дополнена сразу по окончании.

Мато-ти-Моро: Присаживайтесь. И знаете, давайте сразу договоримся, а то у меня очень немного времени. Я отлично вижу, что никакого отношения к Палате внутренних

расследований нашего ведомства вы не имеете.

Ван-ас-Гино: Потому что я фели?

Мато-ти-Моро: Нет, там есть фели. Потому что вы ни дня в ТУ не прослужили.

Ван-ас-Гино: Почему вы так считаете?

Мато-ти-Моро: Давайте не будем тратить время на эти игры? Я это вижу и все. Либо мы говорим честно, либо не говорим вовсе. На кого вы работаете?

Ван-ас-Гино: Хорошо, ваша взяла. Я помощник цензора. Вот пайцза.

Мато-ти-Моро: И чем я заинтересовал цензорат? Зря ем детишек на обед?

Ван-ас-Гино: Не волнуйтесь так, хорошо?

Мато-ти-Моро: Да я и не волнуюсь.

Ван-ас-Гино: Договорились. Вы лично цензорат не волнуете. Но вы видели кое-что, что нам интересно.

Мато-ти-Моро: Вот как.

Ван-ас-Гино: Да. Вы были на похоронах отставного полковника Ано-ба-Маарада?

Мато-ти-Моро: Допустим.

Ван-ас-Гино: Точно были. Мы читали ваш доклад начальству.

Мато-ти-Моро: Тогда чего вы хотите от меня?

Ван-ас-Гино: Вы будете смеяться. Нам совершенно нет дела до ваших расследований, занимайтесь на здоровье своими подпольными перевозками предметов искусства. Я хочу поговорить с вами о сыне покойного.

Мато-ти-Моро: Да, он там был. Кажется, Баур. Ано-мар-Баур, да. Молодой хууд, лет 120. Служит в ВОТ, полусотник, следователь. Хороший фехтовальщик.

Ван-ас-Гино: Лучше меня?

Мато-ти-Моро: Без обид. Даже я лучше вас. А он лучше меня.

Ван-ас-Гино: Вы видели его тогда впервые?

Мато-ти-Моро: Да.

Ван-ас-Гино: Почему вы так хорошо его запомнили?

Мато-ти-Моро: Привычка. Я не слишком хорошо его запомнил, собственно. Просто составлял в уме словесные описания присутствующих от нечего делать. А он был колоритен.

Ван-ас-Гино: Чем именно?

Мато-ти-Моро: Ну там была большая компания богачей. Хуудская знать, феодалы брэ, какая-то профессура из ваших. А его я сначала за охрану принял. Он там был ни к селу, ни к городу.

Ван-ас-Гино: А потом?

Мато-ти-Моро: Потом я разобрался. Он был здорово похож на покойника внешне. Ну и соболезнования ему приносили. Странная история.

Ван-ас-Гино: Какая?

Мато-ти-Моро: Что сыну такого человека делать в ВОТ? Ему нужно в кавалерию, лобовая атака, труба зовет. Чтоб в ВОТ следователем работать, нужно чтоб здорово работали мозги. И не по-военному.

Ван-ас-Гино: А у него они как работали?

Мато-ти-Моро: Я с ним не обмолвился двумя словами, откуда мне знать? Ну вообще идиоты не становятся полусотниками ВОТ и не получают таких пайцз, как у него.

Ван-ас-Гино: Что за пайцза?

Мато-ти-Моро: Право на особые расследования, совсем новая.

Ван-ас-Гино: Продолжайте. Значит он вам показался хорошим вотовцем?

Мато-ти-Моро: Да не то чтобы. Он мне показался парнем, который не понимает, что ему делать. Не в смысле там — кому поклониться или что-то такое. Это-то у него хорошо получалось, как по писанному. В смысле — как поступать. Такая общая растерянность.

Ван-ас-Гино: Он был один?

Мато-ти-Моро: Да. Там был еще брэ, генерал Итари. Тот все время на него поглядывал. Мне показалось — тепло, с симпатией.

Ван-ас-Гино: Этот Ано-мар-Баур, он что-то говорил?

Мато-ти-Моро: Не знаю. Мне кажется, нет. Вообще я там работал, нужно было одновременно за тремя людьми следить. И заметьте, что его среди них не было.

Ван-ас-Гино: Он не показался вам странным?

Мато-ти-Моро: Нет, не думаю. Растерянным, но не странным.

Ван-ас-Гино: Хорошо, пока это все.

Мато-ти-Моро: Это совсем все. В следующий раз я с вами буду разговаривать только с разрешения начальства. Это ясно?

Ван-ас-Гино: Вполне.

Комментарий

Эти два разговора только примеры. Всего подобных бесед мои помощники провели семь, и еще одну — я сам. Все присутствовавшие подтверждают одно и то же.

На похоронах отца Ано-мар-Баур не был безразличен. Эта смерть глубоко его потрясла. И заметно это было даже тем, кто не видел его сорок лет или вообще встретил в первый раз в жизни.

Единственный, кого обманула внешняя бесстрастность полусотника, был его непосредственный начальник.

Служебные правила ВОТ (и всех прочих ведомств) не зря предполагают, что после смерти кого-то из близких сотрудник имеет право на недельный отпуск. Это не просто дань уважения ведомств к своим работникам. Это необходимое требование здравого смысла.

И то доверие, которое выказал глава отдела расследований Ано-мар-Бауру, — по меньшей мере ошибка.

Я хорошо понимаю прекраснодушие подобных речей. Но для того и нужен цензорат, чтоб мечтать о большем. Идеалы недостижимы, но это не повод оставить стремления к ним.

Совершенная ошибка в результате обернулась против всех: самого главы отдела, Ано-мар-Баура, интересов ведомства. Из-за нее бездарно потрачено время судьи и, наконец, время моих сотрудников. Всего этого можно было бы избежать, если бы глава отдела меньше думал о результативности и больше о своих сотрудниках.

Но в действительности, как мы знаем, все происходит наоборот.

Окончив на этом мою гневную отповедь, я перехожу к более насущным вещам. И для этого мне придется коснуться правил худдского траура.

Разумеется, я не стал бы освещать здесь общеизвестные вещи, если бы не нуждался в этом для дальнейших рассуждений.

Итак, известно, что из всех видов траура, худдские традиции наиболее сложны. При этом траур по отцу — самый строгий из всех. Он длится три года. Для большинства худдов ситуация облегчается фактической невозможностью соблюдать его до конца. Так, например, на три года оставить службу большинство людей не может. Однако в кругах худдской военной знати никаких финансовых ограничений нет. И, следовательно, молодой худд не только может, но и обязан соблюдать все ритуальные тонкости.

Это не только уход со службы. Это и определенные правила в одежде, еде, жестикуляции. Совершенный запрет на вино, опиум, сладости. Ограничения (для холостых — запрет) в любовных делах. Запрет на участие в дуэлях и вообще каких бы то ни было состязаниях и боях, исключая только необходимые для защиты кого-либо. Обязательные бдения в комнате с дощечками предков и занятия, просветляющие душу и разум.

Словом, сотни разнообразных правил. Худд из хорошей семьи впитывает их с детства. И их выполнение, как бы сложно оно не было, для него естественно. В одной из посвященных этому вопросу работ я прочитал, что многие образованные и состоятельные худды в общей сумме проводят в трауре больше пятнадцати лет жизни. При этом хорошим тоном считается продление траура по любимому родственнику дальше предписанного традицией срока.

Ано-мар-Баур знает эти правила куда лучше, чем я. Он выучил их тогда же, когда впервые взял в руки кисть или меч. Наконец, он два года провел в трауре по матери.

В связи с этим я хочу поставить один из важнейших вопросов дела.
Почему многие последующие действия Ано прямо противоречат традиции?

Интермедия

Из «Записок о веерах» Ано-ба-Маарада

V

Вечером идешь гулять, а стволы деревьев выкрашены солнцем в теплый, оранжевый цвет. Прикладываешь руку — но дерево ничуть не теплее обычного.

VIII O Юге

На юге трава холодней, а земля суше, но тени нет. Днем жарко, но ночью холод.

Путешествуя одному, нельзя по ночам останавливаться возле источников, а только набрать воду и отъехать. В противном случае ночью вы встретитесь с врагом.

Трава одинакова, и нет никаких надежных ориентиров. Небо другого цвета.

Солдаты жаловались мне, что по ночам они слышат голоса, говорящие на варварских языках. Иные — на голоса, говорящие на человеческом, однако вещи, которых человек знать не может. За пределами границы даже рядовые-брэ читают по утрам «День новый».

На Юге нет тишины, потому что трава всегда шевелится под ветром. Этот шелест скрывает шаги, а трава — тела. Во многих частях впереди на переходе ставили худдов с острым нюхом, чтоб пыль не забила их ноздри, и они почувствовали то, что нельзя увидеть.

XV

Страх присущ людям в большей степени, чем бесстрашие. Мне не случалось видеть тех, кто ничего не боится. Но многие могут приучить себя бояться только того, что опасно. Страхом смерти, как болезнью, можно переболеть один раз. Излечившись, вы перестаете бояться, но не все могут излечиться. У таких страх только растет.

XVIII

Когда генерал от кавалерии Ва получил приказ оставить войска и отправиться в столицу, он сделал это сразу же. Его друзья советовали ему остаться или бежать, однако он не стал делать этого. В последнюю нашу встречу я предлагал ему спрятать его в своем имении, но он не захотел подвергать риску меня и мою семью.

Спустя полтора месяца его казнили.

Последними его словами были: «Передайте государю мои извинения». В последствии они вызвали много споров. Я же считаю, что генерал Ва просил прощения за то, что умирает. Такая верность достойна восхищения.

XX

Высочайшим из искусств, по моему мнению, является музыка, так как она направлена не к разуму, а к чувствам человека и не требует мыслительных усилий для постижения.

Глава 3

Документ №11

ВОТ, Палата Кос-тха-ни
Отдел расследований
№452/1368

Приказ

Следователю, полусотнику
Палаты ВОТ в Кос-тха-ни
Ано-мар-Бауру

1. Немедленно приступить к расследованию по новой линии. Концентрация всего внимания на версии синдикатов оказалось ошибочной, однако это не означает отмены прошлых решений. Суд в любом случае должен быть, и он должен быть тем более открытым, чем громче имя убийцы. Пора переломить отношение военной знати к нашему ведомству: если они не желают относиться к нам с надлежащим почтением, пусть боятся наказания. Такого мнение и нашего с тобой начальства.

2. Твой рапорт об отпуске в данный момент не может быть принят, а ошибка в расследовании — недостаточное основание для того, чтоб оставить службу. Я знаю твою тщательность и скрупулезность. Хорошо понимаю, как неприятна тебе та лужа, в которую ты сел. Но это случалось со всеми, и ничего постыдного тут нет. Свою вину искупишь работой.

3. Я, однако, допускаю, что у тебя могут быть иные причины устраниваться от этого расследования, учитывая твоё происхождение. Понимаю твоё затруднение в таком случае, однако тем более прошу не отступать. Это стало бы прекрасной демонстрацией того, что служба государю важнее сословных предрассудков.

4. Из твоих слов я понял, что печальные обстоятельства в твоём семействе не станут помехой в работе. Это твоё рвение мне приятно и понятно. Оно, безусловно, будет вознаграждено по заслугам. По завершении этого дела, если оно будет успешным, ты получишь месячный отпуск, а я буду хлопотать о приставлении тебя к награде. Не подведи.

5. С настоящего момента вы с полусотником Ванса приступаете к расследованию по новому направлению и несете полную ответственность за его результаты.
Слава Императору!

Глава отдела расследований
Палаты ВОТ в Кос-тха-ни
Гин-тор-Шеу

Документ №12

ВОТ, Палата Кос-тха-ни
Отдел расследований
№452/1368

Ордер

Выдан: уважаемому полусотнику, следователю ВОТ Ано-мар-Бауру.

Производство: применение пыток до III (третьей) степени включительно к задержанному подданному Уга Бинлу, трактирщику заведения «Щедрое солнце».

Основание: необходимость срочного получения информации для особого расследования, установленное лжесвидетельство задержанного.

Дата: 14 день 4 месяца зимы 452 года IV династии Худдов

Судья: Лио-ри-Най, 5 средний ранг, Кос-тха-нийская палата Ведомства права и судей.

Документ №13

Выдержки из записи беседы госпожи Лу (худд, 246 лет) и помощника цензора Хэй-ди-

Роше

Беседа состоялась днем 24 дня 4 месяца зимы 452 года правления IV династии худдов. Записана спустя четверть часа после окончания встречи по подробным заметкам.

[Начало опускаю, как не представляющее интереса. Венно-ли-Но]

Хэй-ди-Роше: В тот день вы впервые увидели Ано-мар-Баура?

Г-жа Лу: Нет, нет, нет. Конечно, нет. Я видела его много раз в детстве. Его матушка рано умерла, святая женщина. Так что он почти что вырос у меня на руках. Сколько раз заходил ко мне, всегда советовался...

Хэй-ди-Роше: Скажите, сударыня, что именно вас удивило в нем в тот день?

Г-жа Лу: Я как увидела его, сразу почувствовала, что с ним что-то не так. Злой он был, глядел недобро. Одет весь с иголочки, шерсть зачесана на голове. Такой аккуратный. Я к нему подошла выразить свои соболезнования, а он и не взглянул на меня. Только поклонился так сухо.

Хэй-ди-Роше: Чем вы это объяснили?

Г-жа Лу: Я посмотрела на него только. И сразу поняла, что он стал другой. Работал в своем ужасном ВОТе... Простите, я не хотела вас задеть, забыла, что вы тоже оттуда.

Хэй-ди-Роше: Ничего страшного, продолжайте.

Г-жа Лу: Работал в ВОТе, и сердце у него загрузело. Ловил убийц и сам стал не лучше их. Так ведь бывает?

Хэй-ди-Роше: Наверное.

Г-жа Лу: Да, ну вот. А тут он вдруг как посмотрит на меня. Да так! Я вся похолодела. Думала, не ровен час — убьет. Но тут господин Гэу вошел, адвокат этот. Так Баур к нему ушел.

Хэй-ди-Роше: Постарайтесь припомнить точно, что вы сказали господину Ано?

Г-жа Лу: Ну я сказала ему, что сожалею о смерти его батюшки, и напомнила о том, как дружна была с его мамой, и как он ходил ко мне в гости в детстве.

Хэй-ди-Роше: А зачем вы это сделали?

Г-жа Лу: На что вы намекаете?

Хэй-ди-Роше: Нет, вы меня неправильно поняли. Я просто спросил, чем вы руководствовались, почему именно тогда к нему подошли?

Г-жа Лу: Я думала, ему нужна поддержка. Как сложно быть одному в такую минуту, вы себе представляете?

Хэй-ди-Роше: Отчасти.

Г-жа Лу: Ведь мальчик был совсем один. Я и потом все-таки к нему подошла, захотела как-то его приободрить. Но он весьма невежливо меня отстранил и ушел. Говорить не захотел.

Документ №14

Адвокатское бюро
«Гэу и сын»

Завещание

Я, Ано-ба-Маарад, полковник и советник генерального штаба в отставке, завещаю:

1. Предать мое тело земле в семейном склепе на Старом кладбище Кос-тха-ни.
2. Мое собрание вееров в полном составе передать Императорскому музею истории изящных искусств.
3. Изъять с моего счета две тысячи фанов и передать их в Храм пророка, с тем чтоб о судьбе моей души своевременно возносились молитвы братии.
4. Сотню фанов серебром раздать нищим.
5. Две сотни фанов серебром раздать арендаторам земель родового поместья Ано, присовокупив для каждого мужчины по бутылки вина из погреба усадьбы «Восточный берег».
6. Семьсот фанов золотом и три новых шелковых халата я завещаю моему верному

слуге, гегра Тути. Также обязую моих наследников хранить комнату Тути в его собственности до самой его смерти.

7. Всем прочим слугам в моем доме завещаю раздать по десять фанов и передать подарки, специально подготовленные мной для такого случая.

8. Мое собрание книг по истории минувшей Южной кампании следует передать соответствующему отделу Генерального штаба, присовокупив составленный мной доклад «О проблемах продовольственного обеспечения в случае новой войны на Юге».

9. Мою усадьбу «Восточный берег», поместье, дома в Кос-тха-ни и Симми со всем их содержимым, четыреста двадцать тысяч фанов золотом и все прочее, не упомянутое в завещании имущество, я завещаю своему сыну Ано-мар-Бауру.

10. Также я завещаю ему восемьдесят тысяч фанов золотом, хранящихся на моем счету, с тем, чтоб он получал с них причитающийся процент, но не снимал. Так поступили мой дед и отец, и он пусть поступит так же.

11. Кроме прочего, завещаю моему сыну написанные мной в часы досуга «Записки о веерах», клинок «Перо журавля» и штандарт рода Ано. Ему следует самому решить, как поступить с ними.

12. Моему доброму другу, отставному генералу Итари, я завещаю подаренное им кольцо и копию бамбукового меча, хранящуюся в моем кабинете.

Завещание подписано мной в присутствии моего поверенного Гэу-ли-Ханя и двух его помощников.

Ано-ба-Маарад, худд.
Последний день осени
451 года IV худдов

Небо да хранит вас!

Комментарий

Позволю себе подытожить приведенные документы.

13 день 4 месяца зимы для расследования фактически был потерян. Полусотник Ванса арестовал трактирщика, но тот плел на допросе, как это говорят, полную ахиною. Ано составил запрос в Ведомство права и судей, и тот был рассмотрен в кратчайшие сроки — всего за сутки.

Допрос с применением пыток начался днем 14-го числа. Но Ано-мар-Баур довольно быстро ушел с него, так как должен был быть на оглашении завещания.

Судя по показаниям (все их мы здесь приводить не будем), в бюро «Гэу и сын» собралось довольно много народу. Все они свидетельствуют о перемене в одежде Ано. Это означает, что он был дома в промежутке между 12-м и 14-м числом. Подтверждается это и его соседями.

Несколько присутствующих отметили неприятную сцену разговора Ано и его дальней родственницы, госпожи Лу. Поскольку ее показания фигурировали в суде, я направил к ней своего помощника Хэй-ди-Роше. С частью их беседы вы уже имели возможность ознакомиться.

Судя по всему, эта весьма своенравная дама попортила во время оно не мало крови и матери Ано, и его отцу, и ему самому. Во всяком случае, никто из близких друзей покойного полковника не отзывался о ней тепло. Неожиданные родственные и дружеские чувства, проснувшиеся в ней на оглашении завещания, — пример обстоятельств, которые мы прискорбно часто можем видеть в жизни. На большинство собравшихся они произвели неприятное впечатление.

Однако и завещание для многих стало неожиданностью. Все знали, что полковник неоднократно обещал лишить своего сына наследства. О его истинных намерениях догадывался, видимо, только генерал Итари. Которого все и считали наиболее вероятным наследником: поместья Итари и Ано соседствуют и, фактически, в течении последних лет никаких границ между ними не было.

К общему удивлению, все произошло с точностью до наоборот. Ано-мар-Баур, фактически, получил все состояние отца, а Итари — пару памятных сувениров. Большинство потенциальных наследников рассчитывало на что-то именно из-за ссоры отца и сына и, в результате, осталось вовсе ни с чем.

Есть основание полагать, что неожиданностью это стало и для наследника.

В одночасье из небогатого следователя ВОТ Ано-мар-Баур превратился в вельможу. Сумма, которую он унаследовал, была равна 270 его годовым зарплатам, и это без учета домов, драгоценностей и собраний, составленных поколениями его предков. Важнее же всего не это, а завещанные ему отцом земли, родовой клинок и штандарт. Все это означало, что отец признал в нем своего сына, наследника и продолжателя. Более того, он дал ему возможность самому решать свою судьбу, распорядиться ею. Иначе понять слова полковника в завещании я не могу.

В этом контексте становятся понятны последовавшие действия Ано-мар-Баура. Из бюро он едет к себе домой, уже не на ведомственную квартиру, а в особняк отца. Забрав оттуда меч, он отправляется в палату ВОТа.

Документ №15

Господин Но!

По вашему поручению съездил в самое унылое место, которое только можно себе вообразить: столичную палату ВОТ. Создавшемуся у меня от этого впечатления сообщу вам в личной беседе, так как есть обороты и чувства, которых бумага не вынесет.

Мое посещение явно фразировало местную публику. Вероятно, я стал первым за много лет фели, который добровольно посетил это учреждение.

Несмотря ни на что, мне удалось вывести из обморока нескольких сотрудников и расспросить их об интересующем нас деле. Чересчур подробные записи не соответствовали бы моей роли журналиста и привлекли бы слишком большое внимание, а несравненной памятью нашего господина Хэй я не обладаю. Так что придется удовольствоваться сжатым пересказом.

(Вот же бюрократический язык! Пообщался с худдами жалких три часа, а он уже навяз на зубах.)

Общее мнение о полусотнике Ано подтвердили почти все. Честный служака, простой и симпатичный парень, но не душа компании, в отличие от своего друга Кимо (т.е. полусотника Ванса). Умен, в своем деле «шпарит по полной». Все в один голос твердят, что он в последние годы пользовался большим доверием начальства.

В то же время, как я понял, в его поведении не хватало какой-то естественности. Он во всем брал пример со своего друга, но так и не научился отличать сорта пива по запаху, как следует играть в кегли, расшибалочку и даже, как выразился один мой разоткровенничавшийся собеседник, «по касательной брал как все, но неумело, без вежливости». Словом, не приобщился ко всем тем маленьким худдским радостям, о которых мне теперь, к большому моему сожалению, многое известно.

Наибольшее внимание я, как вы и велели, посвятил выяснению обстоятельств вечера 14-го и утра 15-го числа, так как о них мы пока почти ничего не знаем. Вот что мне удалось выяснить.

14-го, около 23 часов, т.е. к закрытию лавочки, Ано-мар-Баур все же пришел на работу. Никто, кроме начальства, не знал, что он был на оглашении завещания, а посвящать никого он, видимо, не собирался.

Трое из моих визави отметили, что у него был на поясе не тот меч, что обычно. Почти все — что с собой он имел какую-то папку с бумагами, а один (наблюдательности сотрудников ВОТа нет границ) даже разглядел на ней надпись «Записки о веерах».

По приезде Ано, как я понял, почти сразу узнал результаты допроса незадачливого трактищика, но, как говорят свидетели, придавал этому факту мало значения. Почти все сотрудники его отдела в один голос говорят, что вид у него был не такой, как обычно. Одни

грешат на растерянность, другие, как обычно, уже тогда проникли в его коварные замыслы, третьи говорят об отрешенности во взгляде и голосе. Учитывая, что среди этих третьих и полусотник Ванса, который все же знал Ано лучше других, верю я им.

Расположившись в своем кабинете, он запросил досье на предполагаемого убийцу, а сам погрузился в чтение своей папки и делал это до 25 часов, когда большая часть служащих разошлась. Дальше точной информации у меня не было, но сторож (мне повезло — тот же, что и в тот день) сказал, что ушел он около 27 в сторону и пошел направо. И его квартира, и особняк, и бюро Гэу — словом, все места, куда он мог бы пойти, располагаются в другом направлении. Может быть, конечно, просто к ресторан или прогуляться. Пока точно сказать не могу.

На следующее утро на работу он пришел, как всегда, ровно к 11 утра. Вид у него был такой же странный. Один из свидетелей даже погрешил на опиум, что маловероятно — уж это бы все вотовцы заметили, можно не сомневаться.

Около 12:30 к Ано приехал какой-то брэ (кто бы это мог быть?), который и беседовал с ним около получаса. После его ухода Ано-мар-Баур, наконец, выписал прошение на ордер о задержании подданного Лина и отправил его в ВПС. Как не сложно догадаться, ответ пришел только 16-го днем.

Потом он послонялся немного во дворе и пошел инструктировать группу захвата и посвятил этому интригующему занятию четыре с половиной часа. По общему мнению, такой длинный инструктаж нужен разве что для захвата главы дома Брэ, никак не иначе. В результате, как я понял, бойцы из группы заучили план дома Лина и все мыслимые детали до состояния таблицы умножения.

После непродолжительного обеда с сослуживцам, Ано вышел из здания ВОТ и больше до вечера того дня его никто не видел. Для нас, впрочем, этот промежуток никакого секрета не представляет. Все это время он просидел у себя дома.

Оставляю это сообщение у вас на столе, так как не могу дожидаться — есть одна идея, которая требует немедленной проверки. Надеюсь, вечером обсудим все подробней.

Ваш Ван-ас-Гино

Комментарий

Брэ, с которым говорил Ано-мар-Баур утром 15-го числа — это я. Но прежде, чем рассказать о нашем первом разговоре, необходимо разрешить вопрос с убийством. Хотя бы из соображений последовательности повествования.

Под угрозой применения третьей степени пыток трактирщик-кафа назвал имя настоящего убийцы. И оно остановило расследование почти на сутки. Бойца или даже иерарха синдиката среднего звена задержали бы в тот же день без объяснения причин. Но вламываться без ордера в дом знатного худда, сына знаменитого генерала Лина, было бы и безрассудно, и политически неверно, и, наконец, небезопасно.

Прояснились и обстоятельства: Лин и офицер ВОТ Тэй встретились в таверне и повздорили из-за какой-то мелочи. Вскоре последовал вызов на дуэль. Следователь Тэй, несмотря на устав, согласился драться и жизнь его окончилась вполне закономерно: всей его неплохой вотовской подготовки не хватило, чтоб отбить первый же удар аристократа, с детства не расстающегося с мечом. Сознывая, что произошедшее будет трактовано властями как убийство из-за отсутствия судьи, секундантов и доктора, Лин поспешно ушел. Перед этим он сунул кошель золота трактирщику и пообещал столько же, если тот свалит вину на кого-нибудь выдуманного.

Как и в прошлый раз, я не буду приводить здесь все досье на убийцу. Но считаю необходимым составить их краткую компиляцию.

Лин-го-Тее был зачат в 331 году. Это означает, что он на два года старше Ано-мар-Баура.

Как и у него, отец Лина — военный. Генерал, командовавший сперва кавалерийским корпусом на Южном фронте и ставший одним из глав армии будущего Императора во время Междуцарствия. Лин-старший умер 8 лет тому назад. Глава рода с тех пор — старший брат

интересующего нас Тее, сейчас служащий помощником военного коменданта в Симми. Там же живет и их мать.

Лин-го-Тее получил прекрасное домашнее образование и успел пятнадцать лет отслужить в кавалерии, дослужившись до полусотника. Ввиду отсутствия серьезных военных действий он взял бессрочный отпуск и поселился в столице. Постоянно посещал дворец, вошел в свиту Наследника.

Самое устойчивое чувство, возникшее у меня при чтении его досье, было чувством узнавания. До 80 лет биографии Лин-го-Тее и Ано-мар-Баура похожи, как две капли воды. Древние рода худдской военной знати. Фехтование у лучших мастеров столицы, каллиграфия, поэзия, верховая езда. По-видимому, одни и те же книги и музыка. Много общих знакомых. Хотя у меня нет доказательств, я не сомневаюсь, что они встречались. Во-первых, круг общения таких семей невелик. Во-вторых, они были отдаленными родственниками, не то в четвертой, не то в пятой степени родства. Неблизко, но для худда вполне достаточно. Даже внешне они были отчасти похожи: длинная грива волос, острое лицо.

Разница лишь в том, что Лин-го-Тее сделал все то, чего не сделал Ано-мар-Баур. Первый шел проторенным путем, второй прокладывал его сам.

Утром 15-го числа я решил, наконец, поговорить со следователем Ано. Я еще не знал, кто убийца и думал, что это кто-то из синдикатов. Но о смерти полковника я уже и читал, и слышал от знакомых. Между тем утром 15-го в «Молодом лавикандце» вышла статья, из которой явствовало, что делом об убийстве следователя Тэя занимается все тот же офицер. Это не могло не насторожить меня.

В тот же день мы с моим помощником Хэй-ди-Роше, переодетым в управляющего, отправились в палату Ведомства охраны традиций. Благодаря исключительной памяти господина Хэй и небольшим пометкам, которые он сумел сделать, сейчас я могу привести почти точный текст нашего разговора с Ано-мар-Бауром.

Документ №16

Уважаемый господин Но, прикладываю к документам запись Вашего разговора с объектом, произошедшего 15 числа сего месяца. Надеюсь, он поможет Вам в Вашем анализе.

Помощник цензора Хэй

Цензор Но: Господин Ано?

Ано-мар-Баур: Да, это я. Чем могу служить?

Цензор Но: Не знаю, помните ли вы меня. Меня зовут Венно-ли-Но. Мы были добрыми знакомым с вашим батюшкой.

Ано-мар-Баур: Да, я припоминаю. Кажется, мы с вами однажды виделись мельком?

Цензор Но: У вас прекрасная память. Больше сорока лет прошло.

Ано-мар-Баур: Помню, отец говорил тогда, что у вас недавно родился сын. Победитель маньтоу, я не ошибаюсь?

Цензор Но: Да. Он отменно чувствует себя, благодарю вас.

Ано-мар-Баур: Полагаю, что причина вашего прихода мне ясна. И я признателен вам за это.

Цензор Но: Я был не единственный Но, знавший вашего отца. Позволю себе от имени всего нашего малого клана принести вам соболезнования. Это большая утрата для нас всех.

Ано-мар-Баур: (кланяется и жестом приглашает садиться)

Цензор Но: Благодарю вас.

Ано-мар-Баур: Может быть, я могу угостить вас вином или чаем?

Цензор Но: Вином?

Ано-мар-Баур: Да. В виду важного расследования я вынужден был отложить траур. Мой отец одобрил бы это — долг перед империей для него всегда был выше семейных связей.

Цензор Но: Я понимаю.

Ано-мар-Баур: Закончив дело, я уеду в свое поместье, чтоб должным образом почтить память отца. Но не раньше, увы.

Цензор Но: Ваша ответственность делает вам честь. А вместе с вами и вашему отцу, воспитавшему такого сына.

Ано-мар-Баур: Завершение этого расследования — мой долг не только как офицера, но и как худда. И я постараюсь окончить его так, чтоб отцу не было стыдно глядеть на меня из Залы перерождений.

Цензор Но: Не сомневаюсь, что вам это удастся. В любом случае, хочу заверить вас, что вы можете рассчитывать на мои услуги.

Ано-мар-Баур: Я знаю, что из уст брэ эти слова — не формальность. Благодарю вас.

Цензор Но: Что ж, не буду отвлекать вас от дел. Еще раз примите мои самые искренние сожаления.

Ано-мар-Баур: (кивает)

Цензор Но: (уходит)

Ано-мар-Баур: Господин Но!

Цензор Но: Да?

Ано-мар-Баур: Вы позволите мне задать вам один вопрос?

Цензор Но: Разумеется.

Ано-мар-Баур: Вы были знакомы с моим отцом. Вели с ним дела. Но в то же время близкими друзьями вы не были. Что вы думали о нем? Какая черта его характера казалась вам главной?

Цензор Но: (после раздумья) Честность, господин Ано. Ваш отец был одним из самых честных людей, которых я знал. Не могу представить себе, что он мог солгать. Даже из вежливости. Он всегда говорил правду без уловок и двусмысленностей. Но умел сформулировать ее так, что никого не задевал.

Ано-мар-Баур: Честность?

Цензор Но: Да.

Ано-мар-Баур: Я благодарю вас. (кланяется)

Комментарий

Уходя с этой встречи, я чувствовал большое облегчение. Во-первых, она прошла достаточно удачно. Разговор почти сразу зашел об интересующей меня теме, собеседник был откровенен. Во-вторых, я вполне удовлетворился объяснениями Ано-мар-Баура. Отложить траур ради выполнения ответственного задания — объяснимый поступок. Скажу больше: он произвел на меня хорошее впечатление.

Я еще не знал всего того, что известно вам из предыдущих документов. И увидел именно то, что ожидал. Хорошо одетого, уверенно держащегося худда из старой семьи. Изысканные манеры, аккуратные жесты, знание своей цены — а последнее я полагаю одним из важнейших человеческих качеств. Привлек мое внимание и великолепный меч на его поясе.

Знай я Ано до того, я заметил бы все те странности, отличия в его поведении, о которых говорили сослуживцы. Но это были отличия от Ано вчерашнего, а не от Ано сорок лет назад, с которым мне доводилось встречаться. Определенные расхождения этого облика с тем, что созданся у меня из чтения досье, я отнес на несовершенство документации и собственную недогадливость.

В то же время были в разговоре и странные моменты. Важнейший из них, как мне казалось тогда и кажется сейчас — странный вопрос, заданный в конце. Я никогда не был близок с полковником. Наши деловые контакты ограничивались встречами раз в два-три года в компании общих знакомых, а в последнее время и вовсе сошли на нет. Очевидно было, что я не тот человек, у которого стоило спрашивать что-то о покойном.

Второй момент — странное интонационное выделение слов «завершение этого расследования». Именно этого, а не какого-то другого. Поразмыслив, я отнес это на личную

обиду, которую старый следователь ВОТ испытывает за убийство своего сослуживца. В то же время это рвение не показалось мне излишним. Вообще Ано-мар-Баур произвел на меня впечатление холодного, сдержанного человека. Такого, каким и должен быть хууд его происхождения.

Ошибка, допущенная мной, заключалась в другом. Я не придавал значения словам «долг не только как офицера, но и как хуудда». Между тем они свидетельствуют о том, что Ано уже принял решение о дальнейших действиях. Возможно — именно во время разговора со мной.

Как уже было сказано в докладе помощника цензора Гино, после моего ухода Ано-мар-Баур занялся инструктажем своей арест-команды, а потом поехал домой. Там он пробыл до вечера, приняв несколько посетителей. Все они, очевидно, приехали принести ему свои соболезнования. Надеюсь, что в отличие от меня они делали это без задних мыслей.

В то же время у меня произошла еще одна встреча, о важности которой для расследования я предоставляю судить вам.

Документ №17

В палату толкования предсказаний
Ведомства дворцов

Доклад о разговоре с лока Ми Инари

15 числа сего месяца у меня состоялась встреча с лока Ми Инари. В виду важного расследования я не имел возможности составить этот отчет раньше, но надеюсь, что промедление не обесценило полученные сведения.

Обстоятельства встречи были таковы. После разговора с объектом расследования, мы с моим помощником отправились пообедать в ресторан «Корабельный дельфин», где заодно надеялись задать пару вопросов хозяину. Однако сразу по приходе нас встретил один из служек. Он попросил меня пройти в отдельный кабинет, где ждет лока Ми Инари.

Ситуация не позволяла мне подробно записать его слова, однако они отчетливо сохранились в моей памяти.

Поинтересовавшись здоровьем моего сына, (что вызвало у меня понятную тревогу), лока безо всякого перехода сказал следующее:

– У человека, который интересуется вас, цензор, два отражения и длинная тень. Я видел его во сне. Первое отражение он слепил себе сам и сам разрушит. Второе совершит за него то, что должно. Но тень сильнее всех, потому что ее отбрасывает ушедший свет.

– Как это следует понимать, наставник? - спросил я.

– Это вам придется решать самому, - ответил он. - В этой истории слишком много развилок, но ее герои следуют заранее намеченным путем. Им нет дела до поворотов. Они живут так, как будто сегодня — последний день их жизни. Но сегодня никто из них не умрет, хотя один покончит с собой.

– Как это возможно?

– Я лишь предсказываю то, что может случиться, цензор. Если я буду объяснять свои сны, я сделаю будущее настоящим прежде времени.

После этих слов лока закрыл глаза и, как мне показалось, задремал. Прождав еще некоторое время, я вышел.

Признаться, многозначительная пафосность Ми Инари и расплывчатость его мыслей произвели на меня неприятное впечатление. Некоторое время я провел в ресторане, пытаюсь приложить слова предсказателя к моим делам, но не преуспел в этом. Тут я вспомнил первый вопрос лока и поспешил домой. Как оказалось — вовремя. Я как раз успел снять моего маленького сына с дерева, на которое он забрался, но не знал, как спуститься.

Задним числом мне кажется, что я нашел некоторые объяснения предсказанию, однако они касаются внутренних дел цензората. О втором слое суждений Ми Инари, если он есть, я предоставляю судить людям более сведущим в этих делах.

Венно-ли-Но

Интермедия

Из «Записок о веерах» Ано-ба-Маарада

IV

Мне случалось слышать такое суждение: «Кони больше людей достойны любви. Они не предадут, не лгут, не льстят». Всякий, у кого был настоящий друг, любимая женщина и новорожденный сын знает, что это суждение лживо.

VI Спустя три недели

В пустом доме все шорохи слышней. Вещи, которых не замечал, вдруг кажутся неуместными, как посторонний в часовне, когда ты молишься.

Во многие комнаты не хочется заходить. Запершись, лежишь на кушетке и перечитываешь что-то. Но не любимые книги — на них, как и на старых друзей, сил нет.

Чувствуя твое настроение, слуги держаться поодаль.

Выезжаешь на прогулки, но конь хромает. И так во всем.

Человеку в ровном настроении духа даже досадные мелочи приятны. Усталого они раздражают. Одинокому представляются неизбежными.

Хорошо весь день провозиться с чем-то, не трогающим чувств: оружием, иероглифом, старым сосудом или украшением.

XI

Рассказывают, что советник императора Дано Тио-би-Нару говорил так: «Независимость мысли — вот высшее благородство». Пророк сказал, что благородный муж испытывает отвращение к тем, кто, будучи решителен, действует неразумно. Иные толкуют это в том смысле, что всякое действие надо поверять мыслью. Однако в том же суждении пророк говорит, что благородный муж презирает храбрых, но не соблюдающих ритуалов.

Не мысль, но ритуал должен быть зерном действия. Можно раздумывать над блюдом, которое хочешь отведать на ужин, или над игрой актера. Но в истинных вопросах благородный худд не руководствуется своими мыслями.

Правильно воспитанный человек не нуждается в лишних мыслях. Он заведомо знает, как следует поступать. Если же он задумается, то это породит колебания. Если после них он поступит так, как следует по ритуалу, — к чему были сомнения? Если поменяет свое решение — к чему ритуал?

XVI

Неверным было бы вести себя со всеми одинаково. Тот, кто говорит со слугой, как с царедворцем, не понимает жизни.

Неверным было бы и вести себя со всеми по-разному. Тот, кто почтителен к старшим, но презирает младших, не понимает сути церемоний.

Благородный муж знает свое место. Перед высшими он не унижается, перед низшими — не возвышается, но знает и тех, и других. Это благородство не зависит от положения, дел и заслуг. Оно появляется у человека тогда, когда он знает, как должен поступать.

Глава 4

Документ №18

Инспектору Южного района
города Кос-тха-ни
господину Ли-ун-Таню

Доклад

Нынешняя ночь прошла без особых происшествий. Поджогов или пожаров не было, пробоин в бортах лодок — так же. Никто из девушек не пострадал.

Общая сумма доходов за ночь приблизительно равна 1650 (одной тысяче шестьсот пятидесяти) фанам.

В 35 часов на борту баржи «Три красавицы» был пойман каба-карманник. Наша охрана передала его в ближайший участок ВОТ на берегу, украденные ценности были возвращены владельцам.

В час ночи произошла крупная ссора между несколькими офицерами-худдами. Поскольку они были из Ведомства охраны традиций, охрана не стала вмешиваться в происходящее. После ссоры офицеры вышли на борт баржи, где состоялась дуэль. Подробности ее я сообщить не могу, так как и я, и все девушки, и вышибалы в этот момент находились в каютах. Однако по возвращении компании офицеров в залу я не досчиталась среди них одного человека.

В течении ночи никто из посетителей не вел разговоров, бросающих тень на власти или посвященных иным крамольным темам.

Ани Юнай
содержательница публичного дома
«Ласковый цветок»
16 день 4 месяца зимы 452 IV Худдов

Документ №19

Запись беседы десятника ВОТ Ли-ра-Чидда (худд, 142 года) и помощника цензора Хэй-ди-Роше

Беседа состоялась днем 26 дня 4 месяца зимы 452 года правления IV династии худдов. Записана спустя полчаса после окончания встречи по памяти и подробным заметкам.

[Начало опущено]

Хэй-ди-Роше: Хорошо. Расскажите мне, пожалуйста, о событиях, произошедших ночью с 15-е на 16-е число.

Ли-ра-Чидда: Расскажу настолько, насколько смогу вспомнить.

Хэй-ди-Роше: Ну времени прошло не так много, всего десять дней. Постарайтесь, это важно.

Ли-ра-Чидда: Ну вечером мы пошли на баржи...

Хэй-ди-Роше: Была какая-то предварительная договоренность?

Ли-ра-Чидда: Да, мы всегда ходили на баржи каждый 15 день месяца. Традиция на работе. Днем получаем жалование, а потом — туда. Не первый год.

Хэй-ди-Роше: Продолжайте.

Ли-ра-Чидда: Ну значит мы пошли на баржи. Я, десятник Тун, Ванса-рун-Кимо и, значит, Ано-мар-Баур.

Хэй-ди-Роше: Так. И что вы там собирались делать?

Ли-ра-Чидда: Ну это. Зачем на баржи-то ходят? Девушки там танцуют хорошо, выпить, погулять.

Хэй-ди-Роше: Вы знаете, что отец полусотника Ано умер за несколько дней до того?

Ли-ра-Чидда: Ну теперь-то знаю. Но тогда не знал. Мне и в голову не пришло бы. Держался он как обычно. Ну почти.

Хэй-ди-Роше: То есть?

Ли-ра-Чидда: Ну может, не совсем обычно. Был какой-то дерганый и одет был не так, как обычно. Но я подумал, это он для барж принарядился. В смысле, я сначала так подумал.

Хэй-ди-Роше: Хорошо, продолжайте. Что вы делали на баржах?

Ли-ра-Чидда: Мы туда приехали где-то к 34 часам. Ну выпили немного, нашли себе по девушке все...

Хэй-ди-Роше: Все? А господа Ванса и Ано?

Ли-ра-Чидда: Ванса тоже, а Ано еще нет. Но пили они тогда не очень много. Да и все мы, все-таки не пить же туда приезжаешь, верно?

Хэй-ди-Роше: Я вас понял. Рассказывайте.

Ли-ра-Чидда: Посидели там часок. Это, значит, на барже «Три красавицы». Хотя красавиц там побольше, на самом деле. Значит сидим, и тут Ванса-то как вскинется.

Хэй-ди-Роше: Так-так.

Ли-ра-Чидда: Оказывается, ему какой-то кафа полез в кошель. Ну Ванса был не в форменном халате, как и Ано. Так что кафа думал, наверное, что это легкая добыча. А Ванса его схватил, руку вывернул. Тут и охрана подроспела.

Хэй-ди-Роше: Хорошо, пропустим этот эпизод. Перейдем к поединку.

Ли-ра-Чидда: Ну да. После этого мы еще выпили немного. Десятник Тун со своей отошли. Ну вы поняли. А мы еще сидели. И тут, значит, Ванса-рун-Кимо говорит в том духе, что почему это Ано сидит без девицы. Дескать, не затем на баржи ездят. Встал, нашел какую-то девицу, притащил к нам и посадил на колени к Ано.

Хэй-ди-Роше: Это нормально?

Ли-ра-Чидда: Ну да, в общем. Говорю же, мы выпили немного. Да и вообще, там обстановка вольная. Не присутствие.

Хэй-ди-Роше: И что было дальше?

Ли-ра-Чидда: Ну дальше вроде ничего. Ано девицу ссадил так аккуратно, но вроде не прогнал. А она уже думает, что это клиент: ну там ножки на него закидывает, все такое. А Ано-мар-Баур внимания на нее никакого не обращает. Мне даже обидно стала, девушка-то хорошенькая...

Хэй-ди-Роше: Если можно, воздержитесь от этих подробностей. К делу, к делу.

Ли-ра-Чидда: Простите, ваше благородие.

Хэй-ди-Роше: Да продолжайте же!

Ли-ра-Чидда: Да. Значит так. Тут приносят нам пива. Ванса отпил, я тоже. Ано не пьет. Ну мы ясно спрашиваем: что такое? Он молчит. Ванса подумал, что он уже совсем осоловел от выпитого. И точно, вид у него был такой отрешенный. И вот тут-то все и случилось. Ванса встал, обошел столик. Подошел к Ано-мар-Бауру и как хлопнет у него над ухом в ладони. И тут я понял, что дело неладно.

Хэй-ди-Роше: Почему?

Ли-ра-Чидда: Потому что Ано не пошевелился. Даже сильно пьяный когда, если человеку так над ухом хлопнуть, он вздрогнет. Даже спящему, я думаю. А Ано-мар-Баур — ничего. Сидел ровно, спина прямая, глаза полуприкрыты. И ничего.

Хэй-ди-Роше: Хорошо. Дальше — как только можно подробно, хорошо?

Ли-ра-Чидда: Само собой. Ванса, видно, тоже это заметил. Они хорошо друг друга знали ведь. Мне кажется, он забеспокоился, но в шутку так. Помахал у Ано перед лицом рукой. И тут Ано — раз, и схватил его за руку. А потом встает и говорит: «Это дуэль. Прошу у вас удовлетворения».

Хэй-ди-Роше: Так.

Ли-ра-Чидда: Ну я, простите, обалдел. И Ванса-рун-Кимо, думаю, тоже. Они же друзья не разлей вода уже лет тридцать, если не больше. И Ано всегда все делал, как Ванса. Они пили вместе, гуляли вместе, девиц клеили вместе, на игру в мяч вместе ходили. Даже говорили иногда одинаково. А тут вдруг такое. Ну я потянулся было встать, и говорю: «Тихо вам, ребята. Не о чем тут говорить, давайте развлекаться». Но Ано мне досказать не дал. Он

только посмотрел на меня и сухо так: «Прошу вас быть судьей». И видно, что весь кипит, но держит себя в руках. А Ванса, что характерно, сразу понял, что это не шутка. Собрался так. И видно было: испугался.

Хэй-ди-Роше: Почему?

Ли-ра-Чидда: Ну тут бы любой испугался. Ано-мар-Баур фехтовальщик-то был неслабый. Так вот. Я, значит, кивнул — а что мне оставалось? А он встал и вошел в ближайшую дверь. Там какой-то брэ с дамой. Ано его просит быть секундантом. Брэ, ясное дело, согласился. Где это видано, чтоб брэ не согласился?

Хэй-ди-Роше: Допустим.

Ли-ра-Чидда: Ну и Ванса какого-то секунданта быстро нашел. Какой-то там чинуша был. Не суть. Девушки все попрятались, хозяйка тоже. Остались только мы пятеро на палубе, да еще кафа, местный доктор. Они приготовились драться. И я смотрю, странно как-то Ано готовится. Я видел раньше, как он дерется — с грабителями при задержании и все такое. Но тут я понял, что раньше он вполсилы это делал. Потому что когда они стали друг напротив друга, сразу стало ясно: Ванса покойник. И он сам это понял.

Хэй-ди-Роше: Так.

Ли-ра-Чидда: Ну я же судья? Предложил им помириться, Ванса не против, но Ано на меня даже не взглянул. Смотрел только на противника.

Хэй-ди-Роше: И что дальше?

Ли-ра-Чидда: А ничего. Ванса меч выхватил из ножен и осторожно так двигается к Ано. А тот стоял, не двигался. Стоял, стоял, а потом вдруг развернулся и ушел. Спрыгнул в какую-то лодку, бросил гребцу монету, и они уплыли.

Хэй-ди-Роше: Почему?

Ли-ра-Чидда: Не знаю. Ано-мар-Баур, он даже меча не достал. И слава богу, я скажу. Потому что он явно хотел убить Кимо. Не ранить, не избить, а именно убить. И хорошо, что передумал. А почему — кто же его знает? Чужая душа потемки.

Хэй-ди-Роше: Что вы потом делали?

Ли-ра-Чидда: Ну тут не до девиц как-то. Поплыли в город, там Ванса домой, а я в участок — писать отчет.

Хэй-ди-Роше: Что-то показалось вам странным?

Ли-ра-Чидда: Что за вопрос? Что тут может не показаться странным? История больно чудная.

Документ №20

Господин Но!

По вашему совету сунул хозяйке борделя два фана, и она, как миленькая, сдала мне таинственного брэ, некоего Ар-на-Ми. Не теряя времени, я поехал к нему.

Хорошая квартира во Внутреннем городе. Видимо, живет холостяком, так что не очень большая. Но обставлена очень дорого. Я сказался сотрудником ГУ и, кажется, господин Ми мне поверил. Передаю суть нашего разговора.

Господин Ми: Да, конечно, я помню эту историю. Что именно вас интересует?

Ван-ас-Гино: Да, собственно, все. И ход дела, и ваши впечатления.

Господин Ми: Извольте. Это была ночь с 15 на 16 число. Я отправился на баржи. Сначала была деловая встреча, а потом просто остался развлечься. Нашел одну даму с прекрасным голосом. И как раз когда она мне пела, дверь вдруг открывается и входит этот господин Ано.

Ван-ас-Гино: Опишите его?

Господин Ми: По меркам худдов довольно высокий, шерсть черная с рыжиной, нос острый, длинный, уши вислые, сложение хорошее. Видимо — из белой кости.

Ван-ас-Гино: Почему вы так решили?

Господин Ми: Ну во-первых, он отлично владел мечом. Во-вторых, сам меч был превосходный. В третьих, манеры человека из этого круга сложно с чем-то спутать. В четвертых — одежда. Мне случалось общаться с худдами из хороших семей в армии. Это

особый тип людей, их невозможно не узнать.

Ван-ас-Гино: Спасибо. Что было дальше?

Господин Ми: Он поклонился по всем церемониям, представился и попросил меня ему секундировать. Мне не слишком хотелось куда-то идти, но отказать после такой просьбы невозможно.

Ван-ас-Гино: Понимаю.

Господин Ми: Мы вышли на борт баржи. Там был какой-то, с позволения сказать, судья, который не слишком представлял себе правила процесса. Пришлось мне размечать площадку. Задача была необычная, потому что на борту нельзя было выбрать подходящий квадрат.

Ван-ас-Гино: А противник?

Господин Ми: Да, он тоже там был. Какой-то худд. Явно не из нашего круга. Может быть, вотовец какой-то или пехотный офицер. Но второе вряд ли, офицеры себя так не ведут.

Ван-ас-Гино: Он трусил?

Господин Ми: Да, нет, не то чтобы. Но ясно, что дуэлировать ему раньше не приходилось. Впрочем, сам виноват: он оскорбил этого знатного худда и знал, на что шел. Сразу было видно, что разница между ними, как между камнем и горой.

Ван-ас-Гино: Опишите поединок?

Господин Ми: Да не было никакого поединка. Они стали в позиции. Судья что-то такое пробормотал про примирение. Потом противник вытащил меч, а мой товарищ взялся за рукоять. Но поединка никакого не могло быть. Если бы дело дошло до боя, Ано убил бы этого дурака с первого удара. Но он делать этого не стал. Посмотрел на него, кивнул коротко мне и ушел. Сел на лодку и уплыл.

Ван-ас-Гино: Почему, как вы думаете?

Господин Ми: Думаю, он понял, что противник не по нему. Это было бы все равно, что с ребенком драться. От такой победы — ни чести, ни славы, ни удовлетворения. Просто убийство, несмотря на соблюдение всех правил. А Ано — человек чести, ему так не годится.

Комментарий

Думаю, три этих документа дают достаточно точное представление о произошедшем. Дуэль между Ано-мар-Бауром и его напарником Ванса-рун-Кимо началась, но ничем не кончилась. Причины ее совершенно непонятны даже непосредственным участникам. Тем более — суду.

Но я рискну предложить свое объяснение.

В это время Ано-мар-Баур переживал большой перелом. Дело, однако, не в том, что он менялся, а в том, что он становился самим собой.

В течении многих лет он не только работал в Ведомстве охраны традиций, но и старался не выделяться в нем. Для этого он избрал путь своеобразной мимикрии. В качестве образца был выбран неглупый и наблюдательный сотрудник Ванса-рун-Кимо. Копируя его привычки и склонности, Ано-мар-Баур мог казаться своим в совершенно чуждой ему среде.

Конечно, такое объяснение фантастично. Я и не считаю, что это было целенаправленным планом, намеченным сорок лет тому назад и тщательно выполнявшимся до сих пор. Думаю, что Ано-мар-Баур делал это не специально. Все получалось как-то само собой.

Освобождение от этой «маски» вотовца спровоцировало его на активные действия. Ванса-рун-Кимо символизировал для него не только образцового сотрудника. Это была и концентрация абсолютно чуждых юноше из военной знати свойств. Вызывая на дуэль своего напарника, он в известном смысле вызывал на дуэль самого себя.

Эта идея едва ли пришла бы мне в голову, если бы не слова лока: «Первое отражение он слепил себе сам и сам разрушит... сегодня никто из них не умрет, хотя один покончит с собой». Это отражение Ано-мар-Баура — его напарник. И ,убивая его, он покончил с собой. С собой старым, с почтенным полусотником Ведомства охраны традиций. Все, что он делает после этого — поступки худда из хорошей семьи, традиционалиста в полном смысле этого слова. После этого он и не пытается притвориться чем-то другим. Ни специально, ни

случайно.

Есть, однако, вопрос, ответ на который я дать затрудняюсь. Зачем Ано вообще поехал на баржи? Всякий, кто бывал там, знает, что хуже места для соблюдения траура не сыскать. В общем, это бордель и кабак разом, хоть и не лишенные изысканности. Мой помощник, хуудд Хэй-ди-Роше считает, что именно дуэль и была причиной поездки. Однако более верной мне представляется версия другого моего компаньона, фели Ван-ас-Гино. Он считает, что на баржу ехал один человек, полусотник ВОТ. А уехал другой — хууддский аристократ. Это мнение, впрочем, совершенно недоказуемо.

Как бы то ни было, дуэль между двумя офицерами ВОТ запрещена законом и не могла остаться без последствий.

Документ №21

ВОТ, Палата Кос-тха-ни
Отдел расследований
№452/1368

Сын мой!

По праву, данному мне святой лаврикианской церковью, нынче ночью я принял исповедь полусотника Ано-мар-Баура. Содержание ее сообщить я, конечно, не могу. Однако ее тон и обстоятельства, в которых она была принесена (в 4 утра полусотник разбудил меня для срочного разговора) заставили меня обеспокоиться душевным состоянием моего подопечного.

От себя я посоветовал ему удалиться в отпуск для соблюдения траура, определенного и традицией, и правилами нашей веры. Вас же, как его начальника, я убедительно прошу не препятствовать этому отпуску и даже насильно отправить полусотника Ано в него, если он сам того не захочет. Мне это представляется вашим долгом, как его руководителя и начальника.

Со своей стороны я готов всячески помочь вам, словом и делом облегчив метания юного Баура.

День Проповеди большого канала
(16 день 4 месяца зимы)
Отец Нидо,
Храм у площади Дано Сокрушителя

Документ №22

ВОТ, Палата Кос-тха-ни
Отдел расследований
№452/1368

Приказ

16 день 4 месяца зимы
452 года правления
IV династии Хууддов

В связи с недостойным высокого звания офицера Ведомства охраны традиций поведением, непосредственной опасностью для других сотрудников и завершения дела, нарушением указа благословенного деда Государя, Его императорского величества Лавика II «О поединках среди служащих ведомств» и устава Ведомства, почтенный полусотник Ано-мар-Баур отстраняется от всех дел, которые ведет в настоящий момент.

Его поведение будет рассмотрено Палатой тонких расследований и внутренним судом чести Ведомства охраны традиций.

В настоящее время почтенный полусотник Ано-мар-Баур должен считаться находящемся в отпуске за собственный счет до особого распоряжения.

Глава Палаты
Ведомства охраны традиций

Интермедия

Из «Записок о веерах» Ано-ба-Маарада

II

Мекрарианцы говорят, что спокойствия можно достичь, приведя себя в гармонию с миром, почувствовав себя его частью. Долгие годы я остаюсь спокоен, однако не следую чужим советам.

Верным путем я считаю иной. Не следует становиться частью мира и принимать его. Мир в его естественном состоянии чужд человеку. Его гармония — равновесие жестокости и щедрости, однако не справедливость.

Следует сделать мир вокруг собой. Распространить свою волю на окружающее, подчинить его себе и наделить свойствами справедливости, верности и долга. Тогда мир станет спокоен, подобно мне.

X

Все прочие существа отличаются от людей изменчивостью. Их тела быстрее растут, мысли скорей забываются, чувства преходящи. Города южан построены будто в спешке. Морорские дома не выстаивают и десятилетия. Птичьи гнезда бросаются по истечении года.

Зверь боится охотника. Варвар — смерти. Человек — времени. Но если зверь не испугается ловца, то вырвется из засады, убив его. Если варвар не пожалеет жизни, он сумеет отстоять то, что ему дорого. Так и человек. Если он не боится времени, то время подчиняется ему.

XVII

Поступками управляет не долг, не удовольствие и не обязанность, но стыд.

Стыд заставляет делать не хорошо, а лучше, не достаточно, а больше. Стыд делает любого солдата храбрецом, а любого художника — гением.

Но стыд не испытывают перед другими. Если сам человек не может быть основанием своего стыда, пусть этим основанием будет Бог. Если недостаточно и Бога, пусть им станут дети. Если и детей недостаточно, то человек этот столь дурен, что ему едва ли можно исправиться.

Тот, кого не остановит стыд, подвержен страху. Ему нельзя доверять тайн, денег и жизнь. Так же его нельзя ставить ни впереди, ни позади отряда, а только в центр. Выказывать к нему уважение бесполезно, потому что он не ценит его, а пренебрежение нельзя, потому что он затаит месть. Лучше всего вовсе не иметь с ним дела.

XIX О гневе

Гнев — чистое чувство. Любовь складывается из нежности и ответственности. Ненависть — из неприязни, зависти и жалости к себе. Верность — из уважения к себе и долга. Но гнев ни из чего не складывается и ничего не составляет.

Быть благородным мужем и гневаться — невозможно. Но гнев — это верный слуга, которого следует держать при себе, не раскрывая ему своей души. Это наилучшее оружие и крепчайший доспех.

Всякий знает, что сражаясь должно сохранять свой ум холодным. Действительно, нужно избавиться от всех чувств, мыслей и тревог. Не следует испытывать и гнев. Однако он должен окружать тебя, как запах. Твой гнев — это чужой страх. Как огонь, он сжигает все лишнее, выявляя истинное.

Глава 5

Комментарий

События следующего утра я представляю себе примерно. Единственная возможность реконструировать их — показания, приведенные ниже. Но в целом ситуация понятна.

Где-то с 11 утра Ано-мар-Баур как ни в чем не бывало натаскивает свою аресткоманду. Выдвигаться они должны в 13 часов, чтоб к полудню вернуться назад с победой.

Его непосредственное начальство еще ничего не знает о событиях вчерашней ночи. Вансарун-Кимо помалкивает. Возможно — из страха, но скорее из дружеских чувств. Он думает, что вчера его напарник был не в себе. Кажется, полусотник Ванса остался единственным, кто не поверил, что его чуть не убили. Не верит, к его чести, и до сих пор.

Оба доклада — десятника Ли и отца Нидо — пошли напрямую к главе палаты. Он и принимает решение об отстранении. Пока суд да дело, проходит больше часа. И приказ застаёт Ано-мар-Баур только что не в дверях. Его срочно вызывает к себе глава отдела расследований.

Документ №23

Запись беседы с секретарем Во (худд, 173 года) и помощника цензора Хэй-ди-Роше

Беседа состоялась утром 1 дня 1 месяца весны 452 года правления IV династии худдов. Записана скорописью во время разговора.

Хэй-ди-Роше: Итак, приступим. Расскажите мне о том, что произошло утром 16 числа?

Секретарь Во: Могу ли я быть уверен, что это все не пойдет дальше вас?

Хэй-ди-Роше: Я должен буду доложить начальству.

Секретарь Во: Само собой. Я имел в виду у нас в ведомстве.

Хэй-ди-Роше: Нет, само собой, нет. Это наш с вами разговор, о нем никто не узнает.

Секретарь Во: Хорошо. Мне начинать?

Хэй-ди-Роше: Да, давайте

Секретарь Во: Утром 16-го числа я стал свидетелем разговора между моим начальником, главой отдела расследований Гин-тор-Шеу и почтенным полусотником Ано-мар-Бауром.

Хэй-ди-Роше: Вы можете не диктовать, я владею скорописью. Просто рассказывайте.

Секретарь Во: Да, хорошо. Это было около 13 утра. Я заполнял документы, а они говорили в соседней комнате. Дверь осталась открыта, и я все слышал и кое-что видел.

Хэй-ди-Роше: Вы можете припомнить точные слова?

Секретарь Во: Боюсь, что нет. Но сначала господин Гин дал полусотнику какую-то бумагу и буркнул: «На, прочти». Тот пробежал глазами и кивнул. Тогда Гин его спрашивает: «Что, мол, скажешь?»

Хэй-ди-Роше: Так.

Секретарь Во: Ну дальше я дословно не помню. Тем более Ано-мар-Бауро говорил очень тихо, чуть слышно. Не шептал, а именно тихо говорил. Вообще он в тот день был какой-то странный.

Хэй-ди-Роше: В чем странность?

Секретарь Во: Обычно он, проходя мимо, меня всегда здоровался вежливо, спрашивал о самочувствии. А тут только кивнул коротко. Как генерал.

Хэй-ди-Роше: Да. Ну вернемся.

Секретарь Во: Ано что-то такое тихо говорит, а Гин вдруг весь взвился, шерсть на нем дыбом стала, и он как заорет: «Да что ты вообще о себе возомнил! Кто ты такой, молокосос, чтоб говорить мне, что надо делать!» И что-то еще начал орать, воздуха так набрал. А полусотник ровно так: «Молчать». И господин начальник отдела замолчал!

Хэй-ди-Роше: Почему?

Секретарь Во: Ну очень он убедительно это сказал. Тут бы кто угодно замолчал. Гин сел обратно, а Ано-мар-Баур снова что-то начал ему говорить. Тихо так. Слов не разобрать, но

слышно, что голос строгий. Будто отчитывает его. Или скорее инструктирует. Нет — убеждает! Обрывки какие-то до меня доносились. Я понял, что он предложил, чтоб Гин записал начальником операции главу аресткоманды, а Ано сам пошел бы с ними в частном порядке.

Хэй-ди-Роше: Это законно?

Секретарь Во: Абсолютно нет. Глава аресткоманды не может руководить операцией, а отстраненный сотрудник должен сидеть в палате или дома и ждать приказа начальства. Думаю, дело было в том, что Гин и сам хотел бы, чтоб Ано туда пошел.

Хэй-ди-Роше: Ладно, что было дальше?

Секретарь Во: Дальше Гин что-то написал и приложил печать. Полусотник этот документ забрал и спросил (я расслышал): «Вопрос решен?». Господин Гин ему отвечает: «Да, решен».

Хэй-ди-Роше: И все?

Секретарь Во: Да, все. Ано вышел и спустился вниз. На меня даже не поглядел.

Хэй-ди-Роше: А господин начальник отдела?

Секретарь Во: Ничего. Посидел немного, потом закурил и вышел ко мне. И спрашивает: «Что ты об этом думаешь, старик?»

Хэй-ди-Роше: Что вы ему ответили?

Секретарь Во: А что тут ответишь. Я сказал: «Что уж теперь говорить?»

Комментарий-реконструкция операции по задержанию подданного Лин-го-Тее

Возможно, правильной было бы привести здесь показания рядовых арест-команды. Однако они, при всех своих ценных способностях, не видят картину с общей тактической точки зрения. И не могут сделать из увиденного верных выводов. Чтоб не тратить ваше время я решил сам изложить произошедшие события.

Большой дом во Внутреннем городе. Сад, особняк. Два этажа и чердак. Первая группа — с Ано-мар-Бауром во главе — заходит через парадную дверь, двое сотрудников блокируют заднюю. Арест идет по первому сценарию. Так берут брэ или хороших бойцов хуцзов. Для кафа, катарир и фели приходится блокировать все окна и крыши.

На стук в дверь никто не отвечает. Все слуги, кроме кухарки, распущены, даже сторожа у ворот. Но дверь — просто загородка, она легко отодвигается в сторону. Аресткоманда взбегаёт на второй этаж, в комнаты хозяев. Впереди всех — полусотник Ано, за ним четверо рядовых с арбалетами. Четыре болта остановят даже лучшего фехтовальщика.

Кухарка-гегра в изумлении смотрит с нижней площадки лестницы. Один из рядовых кричит ей: «В свою комнату, живо», и она послушно убегает.

Второй этаж: гравюры на стенах, книги. Ничего лишнего, никаких украшений.

Первая дверь слева — пусто. Какая-то спальня: разворошенная постель, таз для умывания.

Вторая дверь слева — пусто. Библиотека. Тяжелые полки, конторки. Здесь читают стоя.

Первая дверь справа — пусто. Оружейная. Рядовым оттуда уходить не хочется, но нужно.

Вторая дверь справа — кабинет. За столом хозяин дома, Лин-го-Тее. Поднимает голову от бумаг, встает. На поясе меч. Завидев, как он двигается, рядовые нацеливают в него свои арбалеты. Ано-мар-Баур делает шаг вперед. В его левой руке — пайцза, правая на рукояти меча:

- Подданный Лин, именем государя вы арестованы. Сдайте мне оружие.

Примерно так все это и выглядело, я думаю. Заняло от силы минут 7-8. Рядовые боятся, полусотник Ано уверен в себе, Лин-го-Тее не боится, потому что такие люди не умеют бояться. Этому тоже учат в детстве. И до этого момента все идет так, как и должно было идти.

У убийцы простой выбор. Либо понадеяться на свою ловкость и годы тренировок: пройти сквозь пятерых бойцов из ВОТа, пусть даже и с арбалетами, он бы смог. Скажем иначе: имел хорошие шансы, ради которых стоило рискнуть. Второй вариант — сдать меч. Мог ли он это

сделать? В обычной ситуации — едва ли. Не полусотнику Ведомства охраны традиций. Может быть, людям из Тайного управления, чинам Военного трибунала, наконец, тому же вотовцу ранга на три повыше.

Однако делает он именно это. Достает меч и рукоятью вперед, с поклоном протягивает его Ано-мар-Бауру. Рядовые опускают арбалеты, теперь им бояться нечего. Следующие слова полусотника Ано совершенно обычны. Арест увенчался успехом, подозреваемый сдался добровольно. И он предлагает Лину собрать вещи, которые могут понадобиться в тюрьме.

Тот церемонно кланяется — это отмечают в докладах все участники — и идет в соседнюю комнату. Не по коридору, а просто отодвинув незаметную дверцу в стене. Но соседняя комната — оружейная.

Положим, в горячке операции об этом могли забыть рядовые. Но едва ли мог забыть такой опытный следователь, как Ано-мар-Баур. К чести ВОТа, один из бойцов все же вскинулся и пошел было за арестованным. Но Ано вновь отдает приказ: «Стоять». Приказ этот противоречит здравому смыслу и уставу, однако его слушаются. За это время Лин-го-Тее успевает не только зайти в соседнюю комнату, но и закрыть дверь.

Ано-мар-Баур как ни в чем не бывало подходит к окну, и только тут до рядовых доходит, что произошло. Боятся они, конечно, не того, чего следовало. Они думают, что преступник вооружится и уйдет. В действительности, за то время, что двое рядовых выбивают дверь, а двое других бегут по коридору, Лин-го-Тее успевает достать ритуальный кинжал кусунгобу и вспороть себе живот до солнечного сплетения по всем правилам - «от земли к небу». Рядовые, конечно, выдыхают спокойно. Но зря — приказ предполагал взятие преступника живым фактически любой ценой. Он был нужен Ведомству для открытого суда с вероятным смертельным приговором. Возможно, даже с обрителием. Главы ВОТ совершенно верно рассудили, что худдскую белую кость больше испугает позор, чем опасность.

Все эти планы оказались перечеркнуты смертью Лин-го-Тее. И очевидным виновником этого был Ано-мар-Баур, которого и вообще не должно было быть на операции.

Как он оказался на ней? Самый простой ответ на это — силой. Он сломал своего начальника. И ничего странного в этом нет. Почтенный Гин-тор-Шеу может командовать своими офицерами. Но он говорил не с полусотником, а с наследником рода, уходящего корнями едва ли не в доимперские времена. Властвовать для такого человека настолько естественно, что мало у кого хватит решимости ему не подчиниться. Нечто подобное мне случалось наблюдать на фронте. Солдаты по приказу командиров-худдов шли в очевидно самоубийственные атаки, и им в голову не приходило усомниться в правильности этого решения. Для выслужившегося сына чиновника Гина подчинение такому собеседнику естественно.

Тоже самое произошло и с рядовыми. Каждый из них знает устав во всех нюансах, но все же они послушались своего командира. В их оправдание нужно сказать, что он забыл уведомить их об отстранении.

Эти мои размышления могут показать родом беллетристики. Но все же я практически в них не сомневаюсь,

Необъясненным остается лишь поведение Лин-го-Тее. Почему он так легко сдался? Ответ на этот вопрос может прояснить письмо моего помощника Ван-ас-Гино.

Документ № 24

Господин Но!

Идея, о которой я писал вам в прошлом письме, себя блестяще оправдала. Кажется, у меня есть все основания выбить из вас премию. По крайней мере, я сумел откопать то, что не смогли найти ни люди судьи, ни сотрудники ВОТа.

Как вы помните, 14-го числа вечером Ано-мар-Баур ушел с работы в непривычном направлении. Уже пару дней я думал, куда он мог пойти. Ресторан? Едва ли, ему было не до них. Прогулка? В том направлении близко нет приличных мест для прогулки, а далеко он поехал бы на паланкине.

Тогда я решил понять, о чем он думал. О смерти отца — очевидно. Но было и еще кое-что. Перед уходом с работы (довольно поспешным по словам сторожа) он читал досье на Лин-го-Тее, убийцу того офицера. Ну вотовского досье у меня не было, так что я просто влез в бумаги этого Тее. Все равно он мертв, и никто не сделает мне замечания. Не знаю, право, что я там искал — но нашел. Великая вещь интуиция.

В десяти минутах ходьбы от здания отдела расследований, в нужном нам направлении находится фехтовальная школа «Камышовый пруд». Лин-го-Тее ходил туда два раза в неделю. Наверняка, это отражено и в его досье. Вечером 14-го числа он должен был быть там.

Разумеется, я помчался в это камышовое болото. Местный наставник фехтования, симпатичный худд, отчетливо помнящий если не основание империи, то уж деда нынешнего императора — точно, несмотря на возраст сохранил отменную память. Секрет по его словам — в ежедневных упражнениях. Это, по-видимому, рецепт от всех болезней.

Так или иначе он вспомнил, что вечером 14 числа к нему действительно приходил его старый ученик Лин-го-Тее. А еще некоторое время спустя зашел некий неизвестный худд, весьма похожий по описанию на Ано-мар-Баура.

Некоторое время он и Лин фехтовали друг с другом, после чего неизвестный ушел.

Из всего вышеизложенного я могу сделать следующие выводы.

1. ВОТ и судейские управы столицы не следует разгонять лишь потому, что мне неохота работать за них.

2. Ано-мар-Баур встречался с Лин-го-Тее до ареста и даже говорил с ним. И, что даже важнее, фехтовал. Предполагаю, что он делал это не столько ради оценки боевых возможностей Лина, сколько для того, чтоб разобраться в нем, как в человеке. Решение неординарное для вотовца, но вполне понятное для хорошего фехтовальщика.

3. Раз так, все соображения судья о халатности и равнодушии, а равно и ваши давешние о душевных терзаниях после несостоявшейся дуэли следует выбросить на помойку. Еще вечером 14-го числа Ано-мар-Баур начал обдумывать операцию, действуя в логике «белой кости». Все его поступки на следующий день, скорее всего, принуждение самого себя действовать по закону, а не по традиции. Отсюда бесконечные инструктажи, обильная переписка, бордели и прочая галиматья.

Засим все.

Ван-ас-Гино,
лучший сыщик империи

Документ №25

Почтенному главе
Ведомства охраны традиций
Советнику государя
Ви-ин-Гоу
В собственные руки

Господин Ви!

В связи со смертью моего отца, отставного полковника Ано-ба-Маарда, с сегодняшнего дня я выхожу в отставку со службы в Ведомстве охраны традиций. Согласно ритуалам и нравственности, никакая причина не может послужить достаточным основанием, чтоб ограничить мой траур по усопшему.

За минувшие четыре десятилетия я сделал для ведомства более, чем достаточно, и уверен, что мое прошение найдет у Вас понимания.

16 день 4 месяца зимы 452 года правления IV династии худдов и 121 год девиза «Небо и долг»

Ано-мар-Баур, худд

Интермедия

Из «Записок о веерах» Ано-ба-Маарада

I Первая

В своей жизни я видел больше императоров, чем сыновей. Смелее брал в руки меч, чем кисточку для туши. Отказывался чаще, чем благодарил.

Мне не случалось совершать поступков, которые нужно было бы исправлять.

Я любил трех человек: отца, жену, сына, - и трижды был ими обижен. Мой отец умер раньше, чем я узнал его, как следовало. Жена — прежде, чем родила мне дочь.

XII

Важнейшее из умений — правильно оценить положение. Именно неправильное намерение губит большинство поступков. Неудача всегда кроется в зерне.

Оттого все оправдания обстоятельствами лишены смысла: настоящий стратег учитывает все возможные помехи.

XIV

Многие из тех, кто был на войне, верят в судьбу. Несмотря на то, что мне случалось выходить невредимым из многих боев, я все же считаю, что судьбы не существует.

Люди делятся на тех, кем управляют, и тех, кем управлять нельзя. Из первых получают лучшие слуги, богословы, поэты, офицеры и императоры. Из вторых — лучшие врачи, судьи и еретики. Умеющий подчиняться умеет и подчинять, но не умеющий подчиняться не может быть послушен никому. Первые умирают в боях за отечество или покончив с собой в конце дней. Вторые — в случайных стычках или прежде времени.

XXI Последняя

Веера бывают трех форм, трех полов и четырех предназначений.

Глава 6

Комментарий

Следствие продлилось неделю.

Подробности его столь широко освещались в газетах, что едва ли есть смысл останавливаться на нем подробно.

Смерть Лин-го-Тее, худда из свиты Наследника и одного из самых блестящих молодых людей столицы, конечно, не могла остаться незамеченной. Проблема Ведомства охраны традиций, однако, заключалась в том, что Ано-мар-Баура никак нельзя было обвинить в невыполнении приказа. Ситуация была обставлена таким образом, что его действия могли быть сочтены только халатностью. Кроме того, обвиняя его в неисполнении приказа, им пришлось бы объяснять суть инструкций, что, в силу их деликатности, едва ли было возможно. Дело показательного суда над представителем белой кости не выгорело. И теперь ведомство изо всех сил старалось замять произошедшее.

Вскользь замечу: в попытках доказать злой умысел, судья опросил всех, кого только было возможно, кроме одного человека — самого Ано-мар-Баура. Подозреваю, что он не стал бы юлить и честно все признал.

Так или иначе, вопрос о халатности повлек за собой сложный разбор обстоятельств. Тут-то газетчикам и стали известны не только события в «Убежище журавля», но и дуэль на баржах, и много другое.

Сам Ано-мар-Баур на суд так и не явился, но его отлично представлял там защитник Гэули-Хань. Тактику он выбрал почти беспроегрешную. Он поставил судью перед альтернативой: обвинить в халатности Ано, но тогда отстранить заодно и его начальника Гина, и напарника Ванса, и всех рядовых арест-команды. Или выдвинуть минимум обвинений Ано, «забыв» о халатности. Под давлением Ведомства охраны традиций судья, конечно, выбрал второе.

Документ №27

Приговор

Я, судья IV среднего ранга Ар-ти-Хитта, брэ, на основании предоставленных мне документов

вынес приговор по делу подданного Ано-мар-Баура. Его презрение к начальству, неподчинение приказом, ничем не обусловленная жестокость к товарищам и презрение к традициям вопиют о законном наказании. Пустота сердца, какую мы обнаружили у этого человека, не знает себе равных. Вызвавший на дуэль лучшего из своих друзей, посещавшего публичный дом спустя пять дней после смерти отца, с которым до того сорок лет не общался, предавший доверившегося ему покровителя, по справедливости и человеческому разумению он должен быть сурово наказан. Увы, закон не усматривает в большей части его поступков преступного умысла.

За поединок, совершенный в нарушение установленных законом правил, я приговариваю Ано-мар-Баура к отставке с государственной службы без сохранения званий, регалий и пенсий. Также я воспрещаю ему когда-либо устраиваться на государственную службу.

Пусть это послужит наказанием ему и уроком другим.

28 день 4 месяца зимы 452 года
правления IV династии Худдов

Комментарий

Ано-мар-Баур принял меня через два дня после суда.

До его поместья я ехал около пять часов, а в результате увидел дом, как две капли похожий на «Убежище журавля», где покончил с собой Лин-го-Тее. Построенная на пару столетий раньше, усадьба точно копировала все положенные церемониальные установления худдского

зодчества.

Секретарь проводил меня в комнату, где мне пришлось прождать Ано почти час: он молился в комнате поминальных табличек. Наконец, он вышел.

В отличие от прошлой нашей встречи, он был в траурных одеждах, от которых еще сильно пахло благовониями.

Поздоровавшись со мной, он осведомился, зачем я к нему приехал. Строго говоря я и сам этого не знал. Отчего-то я решил, что должен увидеть его прежде, чем отсылать этот доклад. С военных времен я привык доверять предчувствиям, послушался их и тогда. Но повод для визита у меня был. Давеча я зашел к генералу Итари и сказал, что буду проезжать мимо поместья Ано. Как я и думал, мой друг воспользовался оказией и попросил меня передать сыну полковника письмо.

Хозяин дома был немногословен и вел себя с отменной вежливостью, которую теперь редко встретишь. Подчас, я думаю, мне и невдомек были церемониальные сложности его жестов. Однако он не предложил мне чая, и было ясно, что Ано хочет остаться один. Слишком сильно надоедать ему я не стал.

Главное, самое важное для меня, я увидел. Мой собеседник завершил свое превращение: передо мной сидел скучающий аристократ. Впервые он напомнил мне своего отца. Не внешне, потому что внешне большого сходства между ними не было. Но оставалась та же скупая мимика, те же жесты, цитаты из тех же авторов.

Я спросил его, чем он собирается заняться.

– Хочу понять то, о чем уже спрашивал вас, господин Но.

Признаться, серьезного ответа я не ждал, а потому сильно заинтересовался.

– Чем же?

– Своим отцом. Я знал его меньше, чем следовало, и теперь мне, кажется, придется повторить его путь.

– Теперь это будет не так-то просто.

– Он оставил мне путеводитель.

Что именно Ано-мар-Баур имел ввиду под этим я не знаю. Скорее всего, пресловутые «Записки о веерах». Я бы дорого дал, чтоб прочитать их. Именно там, уверен, прячутся ответы на все оставшиеся вопросы. И, конечно, на главный из них: в чем природа превращения, произошедшего на наших глазах.

В скором времени я понял, что задерживаться мне не стоит. Хозяину было явно не до меня. Кроме того, затягивая разговор, я рисковал открыться — все же Ано был и остается чрезвычайно наблюдательным человеком.

Откланявшись, я уехал. Тем же вечером я приступил к этому докладу. Теперь он закончен.

Но прежде, чем изложить свои собственные выводы, я хочу привести небольшой разговор между моими помощниками. Он показался мне столь примечательным, что я попросил Хэй-ди-Роше записать его.

Документ №28

Господин Но!

Это — запись нашего давешнего разговора с Ваном, которую вы просили сделать. В этот раз смысл вашей просьбы остался для меня не ясен — надеюсь, потом вы объясните.

Ваш Хэй-ди-Роше

Ван-ас-Гино: И все-таки я не совсем понимаю эту историю. Может ты, Роше, как хууд, можешь объяснить ее скудоумному мне?

Хэй-ди-Роше: А что от тебя ускользнуло? Мне кажется, ты же сам все и расколол, когда нашел этот фехтовальный зал.

Ван-ас-Гино: Я не о событиях. Все факты мне ясны. Я не понимаю мотивов.

Хэй-ди-Роше: Боюсь, мне непросто будет это объяснить. Наверное, для этого нужно быть хуудом.

Ван-ас-Гино: Вот оно, я так и знал. Конечно, вашу извращенную логику можете понять только вы.

Комментарий

Несмотря на гаерский тон, мой помощник Ван-ас-Гино совершенно прав. Чтобы понять логику худда, нужно быть худдом. Как я уже писал в начале доклада, я — брэ. Драма семьи Ано мне неблизка и малопонятна. Решать, кто в этой истории прав, а кто нет, я предоставляю вам. Однако благо империи универсально, что позволяет мне выносить о нем суждения.

Задним числом любая ошибка кажется легко поддающейся исправлению. Нужно было свернуть не налево, а направо. Просто не садиться играть с этими людьми. Устроиться на другую работу. И так — до бесконечности.

Зачастую у нас создается впечатление, что мы не могли поступить иначе. Эдакое предопределение, но не свыше. Оно происходит из наших чувств. Мыслей. Воспитания.

Однако закон предполагает, что это не так. В противном случае нельзя было бы наказывать преступника: ведь он обречен был вести себя именно так.

Мог ли Ано-мар-Баур поступить иначе? Да, мог. Несет ли он ответственность за свои поступки? Безусловно. Виноват ли он? Не думаю.

Закон объективен, однако вина — понятие субъективное. К гостю, специально разбившему дорогую вазу, мы отнесемся не так, как к маленькому ребенку, сделавшему то же. И тот, и другой расстроят нас, если ваза была нам дорога. Но, думаю, каждый согласится с тем, что вина ребенка меньше.

Брэ, бежавший с поля боя, покрывается вечным позором. Но гегра в такой ситуации не только не будет опозорен, но скорее даже найдет общее одобрение. Поверхностность суждений художника лишь позабавит нас: мы ждем от него, что он будет творцом, а не мудрецом. Те же слова из уст ученого или государственного деятеля вызовут общее негодование. Такой человек как будто обязан быть средоточием мудрости во всех делах. Житейская рассеянность того же ученого вызовет в худшем случае добрую насмешку, но чиновник в мятом халате на подобное снисхождение рассчитывать не может.

Так же и в случае с происшествием в «Убежище журавля». Офицер ВОТа Ано-мар-Баур должен был бы арестовать подданного Лин-го-Тее. Если он не выполнил свой долг — его можно и нужно за это винить. Но двое худдов из старых семей связаны между собой иными соображениями долга. И обвинять одного худда-аристократа в том, что он поспособствовал самоубийству другого невозможно. В их среде наложение на себя рук в случае позора — норма. А больший позор для них, чем арест, сложно себе представить.

Судья приговорил сотрудника ВОТа, однако наказал не только его. Приговор этот столь же справедлив, сколь лишен смысла. Запрещать Ано-мар-Бауру служить в Ведомстве охраны традиций бесполезно. Он явно и не собирается никогда туда возвращаться. Но это не значит, что он совершенно бесполезен для империи. В условиях начавшейся сейчас войны на Юге, он без сомнения захочет завербоваться на фронт. Пройдя путь своего отца, он попытается вернуться к тем истокам, от которых ушел четыре десятилетия назад.

И я смею предположить, что в его лице государь приобретет прекрасного офицера, верного слугу и истинного сына империи. Что еще важнее, это означает, что военный род Ано не прервется. Многие его поколения смогут служить стране. Их будущие подвиги — та плата, которая многократно превосходит издержки сегодняшнего дня.

Моя функция, как цензора, следить за исполнением справедливости и благом империи. Функция судьи — насаждать закон. Однако случай Ано-мар-Баура кажется мне исключением из правила. В нем справедливость и благо противоречат закону.

Вспоминая слова лока Ми Инари, я думаю, что следователь Ано уже мертв. Больше нам его никогда не увидеть. Наказывать его — все равно, что наказывать персонажа. Однако актер не виноват в действиях героя пьесы. Подчас он творит на сцене страшные преступления, но все же в жизни никто не судит его за это.

Справедливость, в сущности, восторжествовала. Убийца офицера Ведомства охраны

традиций мертв. Для закона есть разница, кто его казнил — палач или он сам. Но для справедливости этой разницы нет. Офицер Ванса-рун-Кимо жив. Для закона плохо то, что он перед этим был принужден сражаться на дуэли. Для справедливости — нет, потому что опасность ему не грозила. И поэтому я прошу соблюсти ту же справедливость по отношению к Ано-мар-Бауру. Пусть он сам решает свою судьбу.

Если он подаст прошение о зачисление его в ряды армии, пусть оно будет удовлетворено. Этим он докажет, что готов послужить империи в своем новом, истинном качестве. Если же он этого не сделает, значит, в душе еще остается следователем ВОТа, для которого закон и приговор весят больше, чем сословная честь белой кости. И тогда наказание суда справедливо.

Младший цензор
Венно-ли-Но

Слава императору!

Эпилог

Четыре года спустя

Дорогой Венно!

Спешу сообщить тебе, что у меня все в отменном порядке. Доктора клянутся, что мое здоровье лучше, чем сто лет тому назад, погода как нельзя хороша, Атрей Кроль выпустил новый сборник стихов. Одним словом, у меня есть все, о чем может мечтать человек в моем возрасте.

Как твои супруги и, главное, Победитель маньтоу? Ты писал, что он учит новые иероглифы. Велики ли его достижения? Не хочешь отправить его на месяц-два ко мне? В его возрасте в столице еще мало интересного, а у меня тут прекрасный лес, охота, рыбалка. Подумай. Если что, мой старший сын будет в столице проездом недели через две и сможет отвезти Победителя маньтоу ко мне.

Есть и еще одна новость, которая тебя, как мне кажется, заинтересует. Ты принимал участие в молодом Бауре, сыне полковника Ано. Позавчера у него родился сын. Его самого, правда, нет — сразу после свадьбы он завербовался на фронт и сейчас где-то под Мер-хэ командует кавалерийской полусотней.

Все это очень напоминает мне времена нашей юности. Когда родился сам Ано-мар-Баур, его отец был на Юге. Правда дела наши в тот раз были куда как хуже нынешних. Тогда полковник попросился в отпуск, чтоб навестить жену и новорожденного. Думаю, и нынешний Ано сделает так же. Не исключаю, что ты будешь приглашен на обряд имянаречения.

Молодая жена — чудесная девушка, которой не слишком-то повезло с мужем, да? Хотя бы месяц он мог бы с ней провести, мне кажется. Но куда там. Ему ведь нужно совершить что-то выдающееся, что-то большее, чем сделал его отец. За год из рядового он стал полусотником. Помяни мое слово, мы еще услышим о новом полковнике Ано. А может и о генерале?

Худды не умеют прокладывать собственные судьбы. Каждый из них — лишь продолжение судьбы рода. Быть лучше, чем дед, быть не тем, кем был отец, и так же воспитать сына. Нам с тобой, боюсь, этого не понять.

Твой Дано-ра-Итари